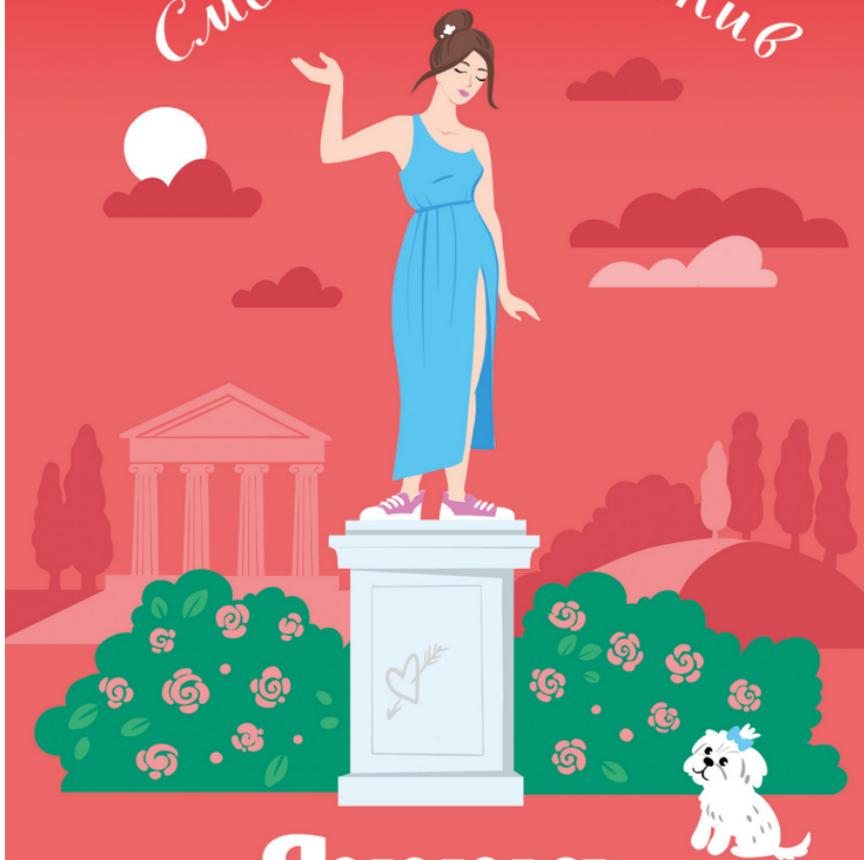

Смешной детектив

**Янина
Корбут**

Царица роз и три папы

Янина Корбут
Царица роз и три папы
Серия «Смешные детективы
(Новое оформление)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69626344
Царица роз и три папы: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-192151-4

Аннотация

Дарина умудрилась вляпаться в неприятности даже во время всеобщего карантина. Ее вместе с помощником Славиком бандиты украли прямо из отеля, где они всей семьей переживали злосчастную пандемию. На частном самолете ничего не подозревающую Дарину привезли в теплую Грецию, где от нее похитители требуют какую-то карту сокровищ царя Миния. Как раз недавно про него недавно рассказывал один из любимых папочек Дарины (а их у нее целых три). Теперь только печать рода может привести к заветному кладу...

Читайте смешной детектив Янины Корбут про Дарину, неугомонного Славика и трех пап!

Содержание

Глава 1. Небо. Самолет. Дарина	8
Глава 2. Тот день, когда вся эта невероятная история только начиналась...	12
Глава 3. Снова в самолете...	25
Глава 4. За четыре дня до похищения...	29
Глава 5. В ЛОГОВЕ ПОХИТИТЕЛЕЙ...	40
Глава 6. За несколько дней до похищения...	48
Глава 7. В логове похитителей...	69
Глава 8. За два дня до похищения... Отель	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Янина Корбут

Царица роз и три папы

© Корбут Я., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

В полете Миша все еще надеялся приземлиться как-то ловко. Обычно в фильмах такие трюки каскадеры проделывают с легкостью и изяществом. Реальность больно ударила его тротуарной плиткой в грудь. Он сразу понял, что упал крайне неудачно. На какой-то момент, кажется, даже потерял сознание.

Когда снова попробовал открыть глаза, осознал, что второй не открывается. словно кто-то залил лицо горячей жидкостью. С ужасом он понял, что это – его собственная кровь. Такая горячая, словно ее подогрели в микроволновке. Она капала на серую плитку, стекая по носу грузными каплями.

Он не мог ни двинуться, ни даже закричать. Его план провалился. Мишу охватил ужас: ведь тот, от кого он пытался сбежать, сейчас спустится и завершит свое дело. Никто не придет ему на помощь, потому что в отеле пусто.

Удача, сопровождавшая всю его жизнь, изменила ему в этот день. Ему, которого все называли Везунчиком. И шутка

ли: он же всегда жил активно, чего только не случилось с ним в поездках и даже на работе.

Во время учебы в университете он часто участвовал в раскопках. Однажды, уже перед самым отъездом, все ребята выпили и заснули прямо недалеко от костра. И в ту ночь началось землетрясение: с горы полетели крупные камни. Один здоровущий осколок упал в сантиметре от его головы.

А как-то раз на отдыхе в Тунисе его забыли в открытом море! Такое нормальному человеку и в голову не могло прийти, а с ним случилось. Но он даже не успел испугаться – на место уплывшего туристического катера приплыл следующий.

То, что сегодня случилось, было для него так неожиданно, что он поначалу даже не воспринял угрозу всерьез. Когда Миша бронировал этот отель, то почувствовал что-то вроде приятного волнения: игра началась. Ну-ка, кто на новенького? Это было что-то типа квеста: вычисли преступника. Страх не было. Ну что ему, Везунчику, может сделать преступник в отеле, где всегда есть люди? Да и разумно ли называть кого-то преступником? Может, это из-за паранойи старика ему в голову лезли все эти мысли?

Что, если за их поисками не стоит ничего существенного? Ведь проверить это пока никак нельзя. Но если то, что старик сказал, окажется правдой...

Из-за этой проклятой пандемии он ни на шаг не приблизился к заветной цели, а застрял в этом городе. Пусть даже

и в приятной компании. А мысли о том, что кто-то из постояльцев охотится на него, только придавали адреналина. А еще ему очень нравилась Дарина – дочка трех отцов, – такая же необычная, как и вся ее семья. Если бы он не был сейчас так увлечен своими поисками. Эх, если бы... Непременно бы влюбился в ее зачарованную красоту, в ее глубокие серые глаза и изящные ключицы. Хорошо, что он умел разделять свои чувства и реальность. Всему свое время.

Но сейчас все его ускользающие мысли были только о преступнике. Зачем он пошел в номер по звонку? Потому что верил в свою Удачу. В конце концов, он мог ошибаться. Надеялся, что этот человек хотел поговорить с ним совсем о другом.

Но когда он увидел эти глаза, полные алчного блеска, то понял, что пропал. И удивился, как сразу не вычислил Главное Зло. В голове у него все помутилось, словно кто-то стукнул его по затылку. Он понял, что с ним что-то не так. И сразу же подумал про холодный чай, который только что выпил. Интуиция подсказала: в чае что-то было... Он пил его и перед поездкой в лес, и уже тогда почувствовал сонливость, а сейчас он еще и усилил дозу...

Сначала Миша сквозь пелену услышал, как из отеля кто-то быстро выскочил и побежал. Кажется, в сторону леса. Миша понял это по звуку.

Это не преступник, ведь этот кто-то стал кричать «На помощь!». Чего бы убийце привлечь к себе внимание? Одно-

временно со стороны леса послышались крики: кто-то отвечал на призыв. Значит, есть шанс!

Его тело сотрясала дрожь, но той рукой, которая еще могла двигаться, он нащупал в кармане свое сокровище. То, ради которого он рисковал жизнью. Нельзя, чтобы оно досталось преступнику! Главное – дождаться Дарину. Ей можно доверять. Но мысли уже стихали... Неужели никто так и не узнает правду?

Глава 1. Небо. Самолет. Дарина

Предыдущие несколько часов можно смело выкинуть из моей биографии, ибо я о них ничегошеньки не помню. Кажется, мне снилось, что я плыву на лодке, и меня раскачивает в разные стороны. Мне хотелось пить и очень болела голова. Но в один момент я вдруг осознала, что уже не сплю.

Холодный прерывающийся свет и замерзшие щиколотки – это были первые мои ощущения, когда я пришла в себя. Лежала я крайне неудобно, подвернув ногу, и по ней словно бегали туда-сюда полчища мурашек.

Между тем я находилась в кожаном кресле, довольно мягком и удобном. Скосив глаза вниз, я убедилась, что по-прежнему одета в домашнюю шелковую пижаму, а на шее у меня болтается маска для сна. Откидные столики, ковровая дорожка в проходе и прочие характерные предметы натолкнули меня на весьма занятную мысль – я нахожусь в самолете. Судя по шуму двигателя, этот самолет в воздухе.

Я осторожно протянула руку и подняла шторку иллюминатора: от резкого света заболели глаза, и я зажмурилась. Под нами явно была вода: море или океан? Бескрайняя водная гладь, которая одновременно завораживала и пугала.

Славик в халате бабушки Сирануш стонал рядом, свернувшись в свою привычную позу – бараний рог. Розочка спала на противоположном кресле.

Я потормошила его за руку и прошептала:

– Поздравляю, Славик. Нас опять похитили бандиты.

– Не было печали, – всхлипнул он шепотом в ответ, натягивая свалившуюся с ноги тапочку. – И что теперь?

– Мы летим...

– В Гагры? Ой, а может, в Англию? Точно! Папа номер три как раз недавно делал мне расклад и сообщил, что будущее мое видится туманно...

Кажется, Славик, всегда питавший склонность к авантурным мероприятиям, взбодрился. А вот я была далека от радостного волнения путешественника.

В том, что нас похитили нехорошие бяки и буки, я почему-то не сомневалась. Кто еще похищает приличных людей? Хотя со мной Славик, а он не то чтобы сильно приличный. Ладно, не будем о грустном. Но для чего им понадобилось нас похищать? Как я ни силилась найти достойное объяснение, ничего путного не придумала. Разве что у папы № 2 завелись политические враги? Или все это как-то связано с мамулиными рассказами про царские корни? В глубине души даже затеплилась надежда, что это как-то переплетено с Дубровским, но он обычно действует сам, как волк-одиночка. А тут такая масштабная операция по похищению...

Я потеряла лицо ладонями и попробовала встать на ноги, но в это время самолет качнуло. Славик попытался взвизгнуть, но я сделала ему жест молчать. Следовало понять, кто находится в самолете помимо нас.

Со стороны двери, отделяющей небольшой салон от остальной части самолета, доносились приглушенные голоса. Я на корточках подобралась к ней, но не нажала ручку, а попыталась приложить ухо. Славик последовал моему примеру.

За дверью разговаривали, причем на русском, что меня ободрило. Беседа доносилась отдаленным шумом, но отдельные слова звучали вполне отчетливо. Славик порывался врываться и устроить скандал, но мне казалось крайне важным подслушать, что они обсуждают.

– Зачем ты прихватил еще и этого недоумка! – услышала я сердитый голос. – Мало того что при девке ничего не нашли, так еще и это!

– Шеф сказал, что времени нет! – ответил ему кто-то басом, причем с раздражением. – Девчонка точно что-то знает...

На какое-то время я перестала их слышать, потому что за бортом что-то загудело, но спустя минуту слышимость улучшилась:

– А... сообщит... в полицию.

– Хватит... говорил... с собой.

Дальше шли отдельные непонятные слова и выражения:

– Он... она... терлись вместе?..

– ... если в курсе... не скажет.

– Предложим... поделиться?

– ... было бы чем.

– ... чтобы показала... он ей... дал?

– Можно...

– ... хозяин... нам надо стеречь... и недоумка с псиной.

Славик больно ущипнул меня за ногу.

– Это на кого они намекают? – возмущенно зашептал приятель, но я шикнула на него и снова прислушалась:

– ... а если не знает...

– Избавимся... с концом!

Розочка, словно почуяв, что ее обозвали псиной, вдруг задергалась и довольно громко завывала во сне.

– ...шишь? Проснулись, что ли? – заволновался первый голос.

Мы со Славиком резво метнулись назад, упали на сиденья и замерли. Славик изобразил на лице протрацию и для верности высунул язык, свесив его набок.

– Ну, ты не усердствуй так, еще пену изо рта додумайся пустить, – зашипела я на него и быстренько зажмурила глаза. А мыслями унеслась на несколько дней назад...

Глава 2. Тот день, когда вся эта невероятная история только начиналась...

– Мамуля прямо совсем нехороша, – прошептал папа № 2, делая вид, что подливает мне сок. При этом он косился на Славику. Тот, в свою очередь, с ненавистью осматривал гору посуды в раковине.

– Что на этот раз? – вздохнула я, предвидя самое худшее. Стоило мне на день отлучиться из отеля домой за вещами – и вот оно.

– А мамуля тебе еще ничего не рассказывала?

Я отрицательно мотнула головой, и папа № 2 стал вводить меня в курс дела, попутно стеная, что беда не приходит одна. Я его прекрасно понимала.

Не успели мои предки 31 декабря открыть свой бутик-отель с привидением «Одалиска», как грянула эпидемия коронавируса. А у нас были такие планы на эту весну! В марте уже случались теплые деньки, даже с перепугу проклюнулись почки, а потом и травка зазеленела. Дороги достаточно просохли, но тут пришел апрель со своим нудным дождиком.

Вешние воды затопили наш лес, дороги развезло, как и наш боевой дух. Стало понятно, что сидеть нам взаперти придется долго. К тому же никто ничего толком о новой бо-

лячке не понимал, но все усиленно боялись. Особенно летучих мышей. Ведь по телевизору сказали – дело дрянь.

К счастью, я телевизор не смотрела, но жила не в вакууме, оттого была немного в курсе событий. Одной из первых отраслей, серьезно пострадавшей от COVID-19, стал гостиничный бизнес. После того как Россия закрыла свои границы, отельерам оставалось надеяться только на внутренний туризм, а вслед за введением режима самоизоляции нам и вовсе пришлось затаиться и ждать.

Что греха таить: в нашем со Славиком агентстве праздников «Шанс» тоже не стало работы. И мы перебрались «пересидеть вирус» в отеле предков. Как сказал Славик, сидеть в изоляции всегда лучше сообща. С семьей. Конечно, я была не в восторге, что моя семья в одночасье стала своей и для Славика. Не пришлось бы усыновлять еще и этого горе-компаньона.

В «Одалиске» еще полным ходом шел ремонт, и только трехэтажный корпус уже был полностью готов к проживанию. В нем-то мы и кучковались, гадая, что ждет нас дальше.

Май мы встретили с надеждой – наступали праздники, много дней подряд, оттого мы даже решили прервать самоизоляцию и принять ограниченное количество гостей. Папа № 2, получивший наконец место начальника управления городскими проектами (мамуля назвала это «повелся на мандат»), выбил нам разрешение под свое будущее депутатство.

Правда, мы предупредили гостей, что, заезжая к нам, те

должны сделать тест и пробыть на территории отеля минимум две недели. Что-то типа карантина. И чтобы не шастали.

Папа № 3 с мамулей (та требовала именовать себя директором по культуре) помудрили и анонсировали новую программу: сеансы спиритизма, медитации, стояние на гвоздях и оздоровительные прогулки по лесу. Славик дал рекламу в своей любимой Сети, где просиживал днями и ночами, и желающие быстро нашлись. Конечно, не имея возможности путешествовать по миру, многие радовались возможности хотя бы выйти на воздух. Всяко лучше, чем сидеть взаперти в пыльных квартирах, изрядно прикладываясь к бутылочке и сытно вкушая от безделья.

А в нашем русском лесу уже всю бурлила жизнь: трава, увлажненная зарядившими в апреле дождями, теперь вымахала, птички распевали, солнце светило. Словом, в этом мае нам всем следовало бы брать пример с природы: ей было совершенно наплевать на то, что происходит в мире. У нее были свои законы, и она расцветала.

К нашей чести стоит добавить: с тех пор, как мы объединились в могучую кучку, веселость нас не покидала. Разве что на фоне вынужденного заточения мамуля принялась снимать стресс привычным способом – винами из лучших папиных погребов.

Конечно, на время пандемии нам пришлось существенно урезать расходы, и раз уж мы все тут оказались запертыми в одном помещении, было решено справляться своими си-

лами. Оставили буквально одного повара, официанта и горничную. Остальное старались делать сами.

Вот Славик, к примеру, отвечал за чистоту посуды: загружал и разгружал посудомоечную машину. Но все время ныл. Вот и сейчас, кряхтя и охая, заявил:

– Эта возня с посудой ущемляет мое достоинство!

– Там дверца иногда захлопывается. Так ты своим достоинством перед посудомоечной машиной не размахивай. Или руками мой, – осекла я его и снова повернулась к папе № 2.

– Так что там с мамулей?

– Амба, – уронил голову на грудь тот. – Только ты уехала, она сразу же сняла стресс нашим самым дорогим вином. И отрубилась прямо в кресле. А потом ей приснился какой-то Миний Лафорий.

– Кто? – округлила я глаза.

– И я о том же. А она разбудила меня посреди ночи стуком в дверь и заставила записать эту абракадабру. Твердила, что это что-то очень важное. И что ей срочно нужно обратиться к родологу. Это кто-то типа проктолога?

– Нет, проктолог ищет проблемы в задней точке, а родолог – в твоём прошлом, – вклинился «умная сова» Славик, а папа № 2 заявил, что его прошлое – одна сплошная задняя точка. И едва не ударился в свои любимые воспоминания о лихих 90-х.

– А потом мамуля потребовала принести ей томик какого-то Чичибякина.

– Бориса Чичибабина? – ахнул Славик, в восторге закатив глаза.

– Во-во, бабина, – покивал папа № 2. – Сечешь тему, дрищевастый! Надо третьего спросить, что бы это значило? Может, белая горячка?

– Папа номер три сейчас в медитативном полусне, – развела я руками. – Лучше его не тревожить. Сегодня он обещал вернуться, у него сеанс спиритизма с бабушкой Сирануш.

Папа № 2 вздохнул, давая понять, что он думает и о спиритизме, и о бабушках. А я пошла искать родительницу.

Мамулю я застала на диванчике в холле, под пальмой в кадке. В кадке была пальма, не мамуля. И это уже радовало. Родительница что-то яростно наяривала в своем телефоне. Тот прямо-таки ходил ходуном. Я заглянула через ее плечо и поняла, что мамуля отправляет всем какие-то демонического вида картинки.

– Ты зачем папам шлешь такие страшные фотки? – ахнула я. – Это что, грибок ногтя?

– Он самый. А чтобы они меня из своего дебильного чата исключили, – мстительно протянула мамуля, прикрепляя к сообщению еще один поврежденный грибком орган.

Такое вслух я произнести не могла. Зато мамуля продолжала разглагольствовать:

– Взяли моду, наделали чатов: без Дарины, без Славика, без первого отца, без второго отца, без третьего. У меня уже есть чат, где состою только я. И вот этот чат меня устраива-

ет: ни тебе сплетен, ни интриг, ни расследований. А то прямо хочется повесить табличку у входа: «Осторожно, повсюду люди, которые знают, как нам лучше жить».

Я порадовалась:

– Между прочим, раньше ты тоже усердствовала. Вот и отлично, что хоть ты поняла: лезть в чужую жизнь – это зло.

– Вот именно. Особенно когда в своей все не ладится.

– Ты про то, что второй отец расстался с Марьей-искусственницей?

Мамуля мстительно ухмыльнулась:

– Ну, с этими все было сразу ясно. Марья, не будь дура, в самом начале пандемии на частном самолете в Испанию усвистала. Нашла себе кошелек с ушками поновее. Хотя и сама уже не девочка – дылда оплывшая, морда длинная, как у коня. Это побочка от дешевых филлеров.

– Нет, ну с одной стороны, она выглядит неплохо...

– Да, только с другой стороны – лицо. Знаешь, как у вас говорят? Лицом прекрасным станет попа, пройдя сквозь фильтры фотошопа. А наш-то второй уже лысеть начал. Заметила?

– Зато наш первый с Людмилой вроде счастлив, – решила я зайти с хороших новостей. – Летом опять в отпуск собирались, представляешь? Правда, как оно сейчас будет...

– До этого десять лет в отпуск не ходил, – хмыкнула мамуля. – Для нас он был незаменимый работник. На нем, только на нем, держалась вся местная полиция. А теперь он уже и не

главный по тарелочкам. А просто мужчина в самом расцвете сил. Вдруг вспомнил. Ладно, пусть пока поживет...

– Жаль, только у папы номер три что-то с Дуськой разладилось, – вздохнула я.

– А я давно это предсказывала, – развела руками мамуля, намекая на свою прозорливость. – Так и сказала: совместная с Дуськой изоляция выйдет третьему боком.

Как я уже говорила: только лишь мы узнали, что грядет карантин и заточение, быстренько переехали с вещами в отель. Папа позаботился, чтобы по документам отель проходил как личные апартаменты, и оформил их на членов семьи с правом прописки.

Мамуля со вторым отцом тут и так давно обретались, руля бизнесом. Славику было скучно одному в квартире (его мама окончательно перебралась в Сочи), а мне вдруг стало скучно без мамули и Славика. И буквально тем же вечером, как мы почти в полном составе воссоединились, к нам на окраину города приехал на велосипеде папа № 3. Номинально, кстати, он являлся директором отеля, так что право имел.

– Евдокия лишилась самого ценного, что было в нашей квартире, – сложил руки на животе папа, подвигая ногой вперед объемную клетчатую сумку – мечту торгашника.

Мамуля встрепелась:

– Мудрый Гудвин, вас что, обокрали?

– Нет, оттуда ушел я.

– Не велика потеря! – заржал второй отец. Но под моим

укоряющим взглядом тут же исправился: – В смысле, хорошо, что телевизор не вынесли.

– Горе ты наше. Ты хоть квартиру на нее не успел переписать? – всплеснула руками мамуля.

– Да, но нет.

– Это как понимать? – брякнул второй отец.

– Поминай как звали – вот как это понимать надо, – разозлилась мамуля. – Вот Дуська, ушлая мартышка. У самой зад на уровне пяток – а все туда же, на свободу рвется. Небось, дарственную на себя заставила подписать. Так, дорогуша?

Папа № 3 закатил глаза, демонстрируя белки, и притворился, что ушел в астрал. Он так делал всегда, когда разговор был ему не очень приятен. И я пошла готовить третьему отцу номер на втором этаже. Благо места всем хватало.

Короче, вы поняли, что семейка у меня веселая. Кстати, о птичках. Чуть не забыла представить вам свою родню.

У меня, естественно, был папа № 1. Он не был моряком дальнего плавания, но слишком долго плавал. Бабуля вещала: «Наш мент пашет, как задрюченный работяга». Уже в два года я знала, что папа-полицейский всегда на работе и борется со злом. Даже свечки на его именинном торте приходилось задувать мне, так что его участь была предрешена. Мамуля любила внимание.

Папа № 2 был бизнесмен, а не бандит. Но, по мнению все той же вездесущей бабули, все богатые люди из 90-х – бандиты, а он был богатым, лысым и упорно тяготел к кожаным

пиджакам. Высказываться по этому вопросу бабуля имела большое желание, но инстинкт самосохранения тоже не дремал. Жизнь папы № 2 была очень насыщенной. А мамуля любила покой.

Папа № 3 не ловил ворон. Он был философом, но от востроглазой бабули не укрылся тот факт, что он был «эмоционально нестабильный бездельник, почти неврастеник». Мамуля же увидела в третьем отце тихую пристань после папы-бизнесмена: в ту пору третий работал частным психологом и врачевал души. Но мамуля не любила, когда ей «любят мозги».

Да, с отцами мне несказанно повезло. Отношения их друг к другу были весьма своеобразными: то горячо, то холодно. Как-то я спросила у отцов, как им в свое время удалось создать и сохранить некое подобие дружбы, на что папа № 1 туманно заявил, что общие страдания объединяют. В юности я была уверена, что отцы страдали после расставания с родительницей. А вот теперь все больше склоняюсь к мысли, что папа намекал на другие страдания. Те, что предшествовали расставанию.

Сама я, хоть и работаю в агентстве праздников, окончила юридический факультет: папы № 2 и № 3 в свое время одобрили мой выбор. Второй хотел иметь своего юриста на случай непредвиденных обстоятельств, третий надеялся, что там я быстро осознаю суетность и тщетность бытия и поеду с ним в Китай к шаманам. Папа № 1, по обыкновению, про-

пустил дебаты: он был на работе и боролся со злом.

Мамуля же игнорировала мое образование и утверждала, что я и ни дня не проработаю по специальности. Родная кровь всегда посмеивалась над моей работой и попытками быть материально независимой. Сама она любила проводить время на пляжах в Ницце. После папы № 2 у мамыли там осталась небольшая богемная квартирка. До недавнего времени у нее был даже постоянный бойфренд Антуан, который не оправдал надежд. Мамуля думала, что он агент 007, а он оказался обычным европейским обывателем. Старательно экономил воду, платил кредиты и алименты, уважал распродажи и правила дорожного движения. Короче, тут мамуля с острыми ощущениями прогадала.

А вот насчет меня оказалась права. Кое-как получив диплом, я бросила юриспруденцию и занялась организацией свадеб. Потому что юрист я была плохонький, а организатор от бога. Так мамуля говорила. Свою первую свадьбу я организовала еще в утробе родительницы. Это тоже ее слова, не мои. Благодаря мне родители и окольцевались. Я была незапланированным, но любимым ребенком: называли меня Дариной, что означает «Божий дар».

Владеть своим праздничным бизнесом казалось мечтой: белые платья, голуби и торты. Папа № 2 по случаю купил мне пустующий офис в крупнейшем торговом центре. Там я и открыла агентство праздников «Шанс от Дарины». Мой пакостный секретарь Славик всегда добавлял к названию при-

ставку «последний».

Как и всякий организатор, очень скоро я перестала пылать любовью к тортам, шарикам и голубям. Первые вызывали тошноту, вторые противно воняли резиной, а голуби не только воняли, но и гадили. А еще птичек было жалко.

Через год я возненавидела юбилеи и свадьбы, стала цинично смотреть на институт брака и на открытки с пожеланиями. Через два вошла в ритм и ночевала на работе. А через три стала забывать про свой день рождения и решила пока не выходить замуж, а сосредоточиться на карьере.

Папа № 2 посмеялся с моей «блажи», а папа № 3 изрек очередную мудрость (где он их там брал, лишь Богу известно):

– Каждый идет своим путем. Но все дороги все равно идут в никуда. Значит, весь смысл в самой дороге, как по ней идти.

К тому времени он забросил психологию, стал постигать буддизм и достиг такого уровня просветления, что понять его простым смертным было не по силам.

Папа № 1 в обсуждениях не участвовал: он и тогда был на работе и боролся со злом.

Короче, компашка у нас подобралась знатная. Как говорит о нас мамуля – три папы, две чумы. Две чумы, стало быть, это я и Славик. Насчет Славика – кто бы спорил. А о себе я всегда была лучшего мнения.

Кстати, про мою «секретаршу» Славика. Он работает со

мною со дня основания агентства, а достался мне в наследство от папы № 2: когда-то работал у него медбратом (да-да, Славик перебрал почти все женские специальности). Папа решил, что мне он нужнее. Хотя история знакомства папы № 2 и Славика – это тема для отдельной книги. Но я думаю, Славик просто был у меня папиными «ушами» – длинными такими, вездесущими.

Мой уже бывший секретарь – выдающаяся личность, достойная отдельного описания: существо чахлое, злобное и ехидное. Он патологически ушат, психически нестабилен, язвитель и упрям. Кажется, Славик состоит только из эмоций и амбиций. Зато от него всегда можно узнать что-то новенькое, посплетничать и позлословить он мастак.

Толстых клиентов он всегда записывал в свой ежедневник «жирдяями», хоть я и объясняла ему, что в нашем мире праздника и радости не говорят «жир», а лишь прозрачно намекают на «лишние сантиметры в области талии». Человека нестандартной внешности он называл «страхолюдом», пикантные волоски над верхней губой обзывал пышными усами, а эффект апельсиновой корки на бедрах дам глумливо именовал жутким целлюлитом.

Несмотря на абсурдность данного утверждения, Славик всегда чрезвычайно нравился дамам. Особенно тучным и возрастным: видимо, он вызывал у них острый материнский инстинкт. Чем проказник нагло пользовался, меняя дам как перчатки. По его словам. Я же была склонна считать, что

свою популярность он сильно преувеличивает.

А еще Славик упорно тяготеет к ремеслу частного детектива и сбивает меня с пути истинного. Даже то, что отцы грозились оторвать ему за это уши, горе-Шерлока ничуть не смущает. Пару раз мы с ним оказались замешаны в неприятные истории. Все начиналось с невинного желания установить истину и заканчивалось словами «так получилось». Мы чудом избегли неминуемых последствий своих опрометчивых поступков.

Уже давно я окончательно решила не вестись на провокации, и больше не участвовать в его сомнительных авантюрах. Но говорю я обычно одно, а делаю совсем другое: гены пальцем не задавишь. Правильно папы говорят: авантюристка от кончиков пальцев до кончиков волос! Хотя... Сами виноваты. Нельзя не учитывать их особое и очень разноплановое влияние на мое воспитание.

Глава 3. Снова в самолете...

Закончив размышлять о своих отцах, я стала думать: как же действовали наши похитители? Мысли мои прыгали резвыми блохами. После того, как мы отключились, эти гады должны были как-то доставить нас до аэродрома. Затащили сначала в вертолет, который мог доставить к границе. Это часа два. А оттуда нас подхватил какой-то частный самолет. Значит, враги располагают нехилыми денежными возможностями.

Но какими бы средствами они ни располагали, мы никак не сумели бы вылететь раньше, чем через два часа с момента похищения.

Ооооооо

– Что нам могли подмешать? – спросила я у Славика. Кажется, он снова начал дремать.

– Да что угодно. Клозапин, трамадол, азалептин, клофелин. Их можно достать легально или полулегально в аптеках. Вопрос в том, кто это сделал? Ведь кто-то из своих, так?

Я пожала плечами и почувствовала, что самолет начал снижаться.

– Славик, кажется, садимся. Не подавай признаков сознания. Пусть думают, что мы еще спим. Может, удастся узнать что-то путное.

– Поверят ли?

– Сколько бы мы спали, утомленные клофелином?

– Зависит от дозы, – пожал тот плечами. – Мы вина выпили совсем немного. Думаю, максимум часа четыре. От силы пять.

– Значит, где-то в Европе? Дальше бы не улетели. Наверное, пролетали Эгейское море? Или Черное? Но как они смогли вылететь без разрешения?

– Вопрос «где можно летать» остается «белым пятном» в нашем законодательстве. Для полетов на вертолете, к примеру, вообще не требуется особое разрешение, достаточно перед вылетом уведомить местного диспетчера.

– Откуда знаешь?

– Папа номер два рассказывал. Доперли нас до границы, а там частным бортом, низенько летели. А может, все еще проще – заплатили кому надо.

Сквозь шум самолета послышался звук шагов, и мы разом замолчали. Дверь, скрипнув пластиком, осторожно открылась, и через неплотно прикрытые ресницы я разглядела довольно забавного типа: низкий, пегий, с близко посаженными глазами, вокруг которых красовались темные круги, аки у панды.

«Мелкая сошка» – мысленно окрестила его я и приготовилась терпеливо ждать, что же он предпримет.

Мелкий кого-то окликнул, и из-за его плеча выглянула физиономия еще более удивительная. Я не знала, что Шрека рисовали с реального персонажа. Только этот, в отличие от

зелененького, имел вид одновременно свирепый и глупый. Пошевелив бровями, он сердито пробасил:

– Эй, очухались?

Но мы молчали, а Славик для полноты образа еще и причмокнул губами, подложив под щеку ладошку. Самолет в это время довольно мягко и плавно сел, и похитители удалились.

Какое-то время ничего не происходило. А потом на борт поднялись несколько дюжих молодцов цыганской наружности. Перехихикиваясь, они занялись нашей транспортировкой. Мне стоило большого труда делать вид, что я сплю. Особенно когда тот, что нацелился на меня, весьма нахально попытался перехватить мое тело пониже талии, закидывая на плечо. Хорошо, что мелкий внимательно следил за погрузкой, иначе не знаю, за какие бы еще места они попытались подержаться.

По тому, как осторожно нас загрузили в машину, я сделала вывод, что свидетели мы ценные. И на этом стоило сыграть, раз уж умирать я пока не собиралась. Розочку уложили между нами, двери захлопнули, и примерно через десять минут мы уже выезжали из этого аэродрома.

За рулем был Шрек, а мы со Славиком и Розочкой лежали на заднем сиденье. Я потихоньку наблюдала за дорогой, пытаюсь сориентироваться на местности, но особо полезными сведениями не разжилась. Судя по всему, сейчас было раннее утро: что-то около шести.

Вдоль дороги тянулся небольшой поселок из череды похо-

жих домиков. Но по причине утреннего времени улицы были безлюдны. Все домики и заборы были густо увиты плетущимися растениями. Дорога петляла, уходя вверх. И когда я уже устала делать вид, что сплю, машина стала притормаживать. Я поняла, что мы заехали в частные владения. Далее нас тем же нехитрым, но весьма оскорбительным способом разгрузили. Правда, сейчас попотеть пришлось Шреку, и он был явно недоволен.

Дом, в который он нас внес по очереди, встретил приятной прохладой и запахом дорогого жилища. Недовольному крепышу пришлось поднимать нас на второй этаж. Сначала занесли меня, но глаза я не открывала. Где-то на лестнице топтался мелкий, руководя транспортировкой. А вот когда Шрек скинул на кровать Славика и дверь за ним закрылась, мы одновременно открыли глаза. Пользуясь передышкой, мы стали жадно рассматривать комнату.

Глава 4. За четыре дня до похищения...

– Мне тут папа номер два рассказал про Миния, – осторожно начала я, приглядываясь к родительнице. – Хотелось бы узнать подробнее...

– Слава богу, ты со мной заодно, – схватила меня за руку мамуля, отбрасывая в сторону телефон. Он упал и зарылся в парчовые подушечки, расшитые золотом.

Надо сказать, интерьером отеля занималась мамуля, и это было заметно. Неподготовленному человеку на входе стоило выдавать специальные очки, как жителям Изумрудного города. Только те их напяливали, чтобы видеть все в зеленом цвете. А нашим... не ослепнуть – и то хлеб.

В это время папа № 2 осторожно зашел сзади и попытался потрогать мамулин лоб. Он тихо и вкрадчиво обратился к бывшей жене:

– Захлопоталась, мамуля, да? Помнишь, как в твоём любимом фильме? «Оно и понятно: пироги, угар...»

Мамуля закипела, как прокисший суп – сердито и с брызгами:

– Нет, ты посмотри, кракозябра бандитская. Оно еще и стебать меня изволит. Думаешь, если пойдешь в казнокрады – так все можно?

– Сама ты зябра! Как будто тебе в будущем не хочется иметь бывшего мужа губернатора?

– На фиг мне бывший муж губернатора? Наверняка старый лошпед с нависшими веками и старческой пигментацией. Погоди, как муж? Наш губернатор что, тоже того...

– Папа имел в виду себя, – пояснила я, чтобы вернуть мамулю к реальности. – Так что там было дальше?

– Дальше... Говорю тебе: у меня открылась чакра рода. Третий папаша не даст соврать. Он связывался со знакомым практикующим родологом. Это моя трансперсональная миссия духа – узнать свое предназначение.

– Транс... спе... сперс... что? – сломал язык папа № 2.

– Неуч. В ту ночь был астрологический портал в прошлое, и я загадала желание узнать что-то о своем роде. И вот, пожалуйста! Миний! Царь, сын Посейдона! Папа номер три обещал выйти с ним на связь. После того, как поболтает с покойным мужем бабушки Сирануш. Уверена, нам положены сокровища!

Папа № 2 опять скривился, как от зубной боли. Каждое упоминание бабушки рождало в нем протест. Думаю, она напоминала ему бывшую тещу, мою несравненную бабулю.

– Говорил же, мамуля тронулась. С этими женщинами никогда не поймешь: я ее такую замуж брал, или это она при мне...

Папа № 2 осекся, и на лицо его легла тень вины. С этой скорбной тенью, заставляющей его сносить все капризы ма-

мули, он и удалился от греха подальше.

В этот момент на лестнице сверху застучала палка: я поняла, что к нам пробирается упомянутая выше бабушка. Лифт она упорно игнорировала, не желая признавать свой неизбежный возраст.

Про эту постоялицу следовало сказать отдельно. И здесь тоже не обойтись без краткого экскурса в прошлое. Когда бутик-отель «Одалиска» готовился к открытию, случилось страшное: старики-разбойники хотели провернуть аферу с квадратными метрами и нашли на территории стройки старый скелет. А после этого загадочно сгорел соседний с нами зловещий коттедж с человеком внутри, и началась целая череда неприятностей. В результате я чуть не погибла, но это ничего, мелочи. Погибала-то уже не раз и не два. Но слух о «нехорошем месте» пошел. Короче, не о такой славе мечтали мои предки для своего детища.

После всех печальных событий родители поначалу отчаялись: как раскрутить одиозное место в пригороде, куда никто не хочет ехать после «той истории с трупом». Мамуля с отцами устроили мозговой штурм, но тут вмешался Славик и посоветовал отталкиваться от концепции отеля с привидением, что должно было разжечь жгучий интерес к новому месту. А практики папы № 3 по познанию себя, карты Таро и медитации под ароматы пало-санто отлично вписывались в эту схему.

И, надо сказать, план сработал. Таинственность, роскошь

и мистический ореол подействовали на состоятельную прослойку населения магическим образом. До кучи последние два месяца папа № 3 увлекся спиритизмом, и Славик охотно постил все его сеансы в прямом эфире в известной социальной сети, где люди с отставанием в умственном развитии монетизируют свои болезни. Там же он постил и свои чудо-ролики. Кстати, уверена, когда-нибудь эту сеть запретят именно из-за роликов Славика. Тех, где он просто открывает рот под чужие песни и кривляется у зеркала, подбивая себя пятой под зад. Вы бы это видели...

А вот спиритизм папы № 3 был очень зрелищным. Думаю, поэтому Дуська его и турнула. Не каждому понравится завтракать вместе с Гитлером или делить ложе с Нероном. Короче, папа № 3 стал привлекать к нам в отель очень колоритных личностей. И речь не только о великих и покинувших бранный мир, но и о вполне себе живых.

Среди них оказалась и наша бабушка, особа язвительная и явно небедная. Она явилась к нам, чтобы пообщаться с духом умершего десять лет назад мужа. По ее словам, старый идиот куда-то спрятал вставную челюсть, а в коронки она припрятала фамильные брильянты. И теперь бабушка жаждала призвать его к ответу. Изоляция застала ее в нашем городе, а после в отеле, и теперь бабушка отлично влилась в нашу сумасшедшую компашку.

Только Славик с бабушкой был в особых отношениях. Во-первых, он упорно называл ее бабушкой Сирануш, хотя ее

звали Ануш. И с его легкой руки это имя к бабушке прилипло. Но даже не это привело к конфликту. Дело в том, что бабушка путешествовала по стране со своей маленькой собачкой под мышкой.

Ее кучерявая рыженькая собачка с коричневым, как кнопка, носиком, провоцировала живейший интерес Славика. Сначала он заявил, что она – чудище, потому что Роза (так звали псинку) облаяла его лысого кота Ну и Ну. Да-да, Славик теперь жил не один, а с котом, который достался ему от моей заклятой подружки Алены. Сама Алена в начале зимы чуть не отправила нас со Славиком на тот свет, но кот здесь был совершенно ни при чем. Славик кота обожал и утверждал: тот настолько умен, что ходит на двух лапах, когда его никто не видит.

Конечно, спустя пару дней Ну и Ну с Розой подружились, и Славик сразу же заявил, что Роза – безобиднейшая комнатная собачонка. И пусть, дескать, она приходит в гости к Ну и Ну подружить. Но бабушка была злопамятная, и с тех пор Славика и его кота на дух не выносила. А собачку Розу держала от них подальше.

Раз уж я взялась рассказывать о наших постояльцах, то продолжу. Дмитрий Адамович был явным оппозиционером, причем он был в оппозиции ко всему. Всегда ходил в жилете с множеством карманов и всюду таскал за собой блокнот с карандашом. А еще подозрительно принюхивался. У него была цель. Не просто цель, а Миссия. В первый же день сво-

его пребывания здесь он ее озвучил.

Дмитрий Адамович путешествовал по России и составлял вонючую карту страны. То есть отмечал на карте места, где особенно сильно пахнет. Кого он хотел дискредитировать этой картой – коммунальщиков ли, отцов города или просто жителей, не умеющих сдерживать себя, – история умалчивает. То, что остановился он именно в нашем отеле, наталкивало на мысль, что спонсирует его, как минимум, общество меча и орала.

Славик, узнав про вонючую Карту, сразу же дал ему кличку Дух Вонюх. И папа № 2 сразу же невзлюбил этого гостя. В первый же день Адамович подсел к папе № 2 в ресторане (он еще не знал, что папа – владелец отеля) и, указав на мамулю, обозвал ее Лисой Алисой.

При этом противно хихикал, обнажая мелкие острые зубки (это папа так сказал). И вообще всячески демонстрировал пакостные намерения. Возможно, мамуле не стоило разгуливать по отелю с моноклем, в фетровой шляпке с перьями и в шали, не все ее моду понимают. Но папа № 2 сразу же четко обозначил границы: жена моя, хоть и бывшая. И хаять ее буду я сам. А ты, Дух Вонюх, если не хочешь стать Котом Базилио (читай – ослепнуть), помалкивай в седую редкую бороденку.

С третьим отцом у Духа Вонюха дружба тоже не задалась. Прибыв в отель, Адамович с пренебрежительным видом осматривал наше подворье. И во время экскурсии на

заднем дворе заметил папу № 3, медитировавшего в углу за мусорными баками. Оттуда, по словам папы, открывался какой-то там портал, но Дух Вонюх решил, что папа, замотанный в индийское сари, – местный бомж.

Похлопав его по плечу, он негативно высказался об отцах города и завершил свое обращение к папе призывом немедленно свергать власть:

– Папаша! До чего тебя довели в этой стране рабов? Перестань влачить жалкое существование!

– Ничего я не влачу! Я его несу гордо! Сейчас читаю «Уход в лес» Юнгера и практикую эскапизм. И какой я вам папаша? Я даже моложе вашего выгляжу, – обиделся папа № 3 и тоже невзлюбил Духа Вонюха.

Думаю, вы уже поняли: Дмитрий Адамович был удивительным человеком: он ненавидел дураков, но при этом считал всех дураками. Тяжело так жить, никакого просвета.

Следующим нашим постояльцем был самый настоящий шейх. Какая картинка рисуется перед вашим взором, когда вы слышите слово «шейх»? Да-да, гутра – традиционный арабский платок – тоже была. Восточный гость, возжелавший увидеть своими глазами знаменитое Золотое кольцо, был достопримечательностью нашего отеля. Путешествие по России он начал с Москвы, и почти в конце пути добрался до нас, да так и застрял в ожидании снятия ограничений на полеты.

Мамуля, конечно, сразу мечтательно закатила глазки и

принялась перечислять все преимущества жизни с таким богачом. Но бессребреник папа № 3 тактично заметил:

– Изначально шейхи были призваны прославлять и проповедовать ислам, однако сегодня они заняты другими вещами. Одни из самых богатых и влиятельных людей планеты, живут в невообразимой роскоши.

– При этом большинство из них весьма образованны, любят охоту, лошадей и женщин, что не мешает им заботиться о благосостоянии эмиратов и их жителей, – парировала мамуля. – А жена шейха – это вроде как королева по-нашему?

– Не обязательно шейх равно правитель. Вообще в ОАЭ все члены правительства, а также просто богатые члены родовых семей имеют титул шейха, – пояснил папа № 3. Он любил справедливость.

Не знаю, кем конкретно являлся наш шейх, но человек он был образованный. Носил очки и даже немного говорил по-русски. Явился он к нам с двумя женами, на что папа № 2 заявил:

– Поперся в Тулу со своим самоваром.

– У нас тут не Тула, – буркнула мамуля, став грудью на защиту семейных ценностей.

– Что значит не тула? – возмутился второй. – Нормальные такие тулы по центру гуляют. А с приходом тепла они еще и оголяются, так что...

На что мамуля парировала:

– Правильно сделал! Где он тут найдет что-то путное в

разгар пандемии? Эскортницы трудолюбивы, но недостаточно патриотичны.

– И это несмотря на устойчивый курс доллара, – схватился за сердце второй отец.

– Да-да, они на время пандемии предпочли варианты с Дубаем и Европой. Там сейчас отдыхает весь полусвет.

– Вот прелюбодейки! Это же надо так кинуть титанов российской индустрии и гостей города, – сокрушался, в свою очередь, Славик.

– Непоротое поколение, – выдохнула родительница. – Вот в мою молодость все путаны трудились исключительно на своей территории.

Мамуля, последнее время повернувшаяся к Западу своей лучшей частью тела (и я не про лицо), прямо радовала. Раньше от нее регулярно шли прохладные сквознячки в адрес нашей страны. А когда она, уезжая, в очередной раз восклицала «Прощай, немытая Россия!», папа № 2 всегда подозрительно обнюхивал себя и заявлял, что он сегодня два раза мылся.

И мы с ней даже частенько спорили о патриотизме. Нет, не то чтобы считала себя патриотом-идиотом, который не видит очевидного, но Родину любила. А вот мамуля раньше всегда называла себя женщиной западного склада ума. Сейчас же квартирку в Ницце занимала бабуля, наотрез отказавшаяся покидать «насиженное» гнездо. Чего она там насидела – я не понимала. Папа № 2 утверждал, что старческий геморрой. А

первый – что статью за дискредитацию Родного Отечества на посиделках пенсионеров Ниццы.

Бабуля, выпив кофе с коньяком, любила рассказывать про тяжкую жизнь в СССР, но, к ее чести, всегда вспоминала, что пломбир в те годы был вкусный.

Мамуля же еще перед Новым годом, словно что-то почуяв, вернулась в нашу страну и затребовала устроить ее директором по культуре в папином спа-отеле. Чудны дела твои, Господи. Не иначе в Европе, вдобавок к эпидемии, грядет топливный кризис или нашествие саранчи. Мамуля такие дела чуует похлеще собаки, оттого и поспешила диверсифицировать риски.

Ну и снова к постояльцам. Последними стоило упомянуть трио – два йога и йогиню, – прибывшее из Екатеринбурга. Эти тоже целенаправленно приехали к папе № 3 на медитации. Слава о папе к тому времени докатилась до самых далеких уголков страны благодаря Славе. И это не тавтология. Еще до прямых эфиров спиритизма Славик однажды выложил в своем тик-токе видео папы, зависшего между двух стульев в шпагате с умиленным выражением лица. При этом он вроде как пророчествовал чревовещанием. Хотя сам папа утверждал, что просто в те дни постился, и оттого в животе урчало. Но богемная йоганутая молодежь сразу признала в нем нового мессию.

Это колоритное трио возбуждало наш живейший интерес. Худошавый трепач с бородкой, довольно симпатичный

мужчина. Второй – коренастый рыжий крепыш с выдвинутой вперед челюстью, заплетающий волосы в косичку. Как мне казалось, они все не могли определиться, с кем в финале останется йогиня. Мы ежедневно делали ставки, причем Славик, войдя в азарт, предлагал удвоить коэффициент. Но папа № 2 отказывался с ним спорить, потому что утверждал: у Славика большие уши, ими он подслушивает под дверями, а оттого владеет большим объемом информации.

Щеголяли наши йоги в облегающих комбинезонах и эротировали (это слова Славика) публику. Причем эротировали йоги-мужчины. Вдобавок к своим комбидрезам они питались семенами чиа, требовали запекать спаржу и процеживали молоко, выдоенное из кокоса.

Йогиня же была самой нормальной из всех – симпатичная смешливая девушка с коротким вьющимся хвостиком, – ходила в обычном спортивном трико и втихаря налегала на пирожные за завтраком. С такой фигурой можно себе позволить. Я даже думала с ней подружиться, но потом вспомнила, чем закончилась моя последняя дружба с особой моего пола, и решила, что мне и Славика хватит.

Глава 5. В ЛОГОВЕ ПОХИТИТЕЛЕЙ...

Окно в пол было открыто, прозрачная штора развевалась, а сами мы лежали на широкой двуспальной кровати, покрытой шелковым покрывалом цвета спелой вишни.

По обе стороны от кровати стояли тумбы, напротив висел телевизор.

Я осторожно опустила ногу на пол и нащупала мягкий ворсистый ковролин.

– Где мы, как думаешь? – зашептал Славик.

– Понятия не имею. Похоже на Турцию.

– Хорошо бы. Турцию я люблю. Хочу пить и есть, – заканючил приятель, поглядывая на меня. – Как думаешь, покрмят?

– Мы не в подвале, да и обстановка довольно приличная. Думаю, голодом морить не будут.

– Но?

– Что но?

– Ну, у тебя такой тон, словно ты намекаешь, что нам кранты.

– Так это и так ясно. Или ты думаешь, что за тобой прилетел вдруг волшебник в голубом вертолете, чтобы бесплатно показать тебе кино?

– Какой у нас план? – вздохнул Славик.

– Думаю, нас ждут испытания.

– А если это как-то связано с Мишей? Кто-то понял, что мы не поверили в несчастный случай. И нанял людей, чтобы нас устранили.

– Логичнее было бы нас хлопнуть, – удивилась я, ведь такая версия мне на ум не приходила.

– Не при всех же.

– Ну, похитили бы, а потом хлопнули. Зачем тащить нас незнамо куда?

– Пока не знаю.

– В любом случае надо попытаться убедить их, что мы ничего не знаем, не подозреваем и вообще... Запомни свою роль: ты мой слабоумный приятель, которого мы из жалости держали в отеле для грязной работы.

– Ну, знаешь...

– Да пойми, дурень, так ты не будешь вызывать подозрений. Какой спрос с идиота? Ходи, улыбайся, периодически пускай слюну. Уверена, этот образ еще сыграет нам на руку.

Славик недовольно засопел, но в это время ступеньки деревянной лестницы закрипели под чьим-то весом. Дверь снова приоткрылась и в образовавшуюся щель пролезла голова Шрека. Он что-то жевал и утирал рот рукавом. Следом за головой он втащил в комнату свою тушу. Теперь я могла не стесняться и рассмотрела его в полный рост. Про таких папа № 2 говорил «грудь моряка – попа старика».

– Хэллоу! – обрадовался он. – Марик, иди сюда! Будем знакомиться с гостями.

Следом за Шреком в комнату бочком просочился мелкий глистообразный Марик. Оба глазели на нас, как на рождественский подарок, который сами же себе и подарили. Это здорово раздражало. Итак, настала пора вскрывать карты.

Я приняла гордый вид, насколько это позволяли пижама и тапочки. И только собралась сказать что-то язвительное, чтобы уделать пухляка, как вмешался приятель.

– Где тут туалет? – завопил Славик и обвел всех безумным взглядом. Если честно, он слегка переигрывал, но пусть знают наших.

Мелкий опасливо отскочил и указал на дверь из белого дерева. Она располагалась почти возле выхода, потому я ее поначалу не заметила.

Славик, утробно зарывчав, метнулся туда и демонстративно громко хлопнул дверью. Я сложила руки на груди и недовольно взирала на наших похитителей.

– Где наша собака?

– Не волнуйтесь, с песиком все хорошо. Она пришла в себя. Наша горничная ее покормила.

– Вы хоть знаете, что сделает с вами бабушка, если Розочка пропадет? Розочка! – громко позвала я псину, игнорируя недовольные взгляды Шрека.

Я еще раз окликнула собаку и, к своей радости, услышала ее звонкий лай, потом стук коготков по ступенькам. Розоч-

ка влетела в комнату и с разбегу прыгнула мне на руки. Наличие живой и накормленной собаки внушало мысль, что с нами собираются обращаться бережно.

– А теперь извольте объясниться. Где мы? – тут же обратилась я к похитителям, заметив, что Шрек, как замороженный, уставился на Розу.

– Мы в Греции, – развел руками мелкий, словно все эти километры пустыки, дело житейское.

– Как это понимать? Я в Грецию не собиралась.

– Считайте, вы – наши гости.

– И в гости не собиралась. Когда я смогу покинуть сию обитель?

– Боюсь, нам придется немного подержать вас взаперти. Чем вам плохо? Отдыхайте, загорайте.

– Но как вы нас сюда доставили? У меня нет визы! И вообще, кто будет платить штраф за нарушение карантина?

– Ээээ...

– А еще от вашего снотворного у меня интоксикация, мне срочно нужен активированный уголь.

Мелкий захихикал, толстяк покраснел и сжал кулаки. Никакого самообладания у человека. И еще в бандиты пошел!

А я добавила:

– К тому же я в одних тапочках и пижаме. В чем я буду ходить на вашем, с позволения сказать, отдыхе?

– Ну, это мелочи... Мы все решим, – кашлянул мелкий. – Какой у вас размер? Сорок четвертый?

Я зыркнула на него так, что тот сразу же стушевался и забормотал:

– Э... Я не то хотел... В общем, сколько вам принести таблеток угля?

– Пять, – с достоинством парировала я.

– Так, понял, сорок второй, – засуетился мелкий и что-то пометил у себя в телефоне.

– Одежда, это, конечно, хорошо. Но я бы хотела связаться с миром, с родными.

– Боюсь, нам придется немного ограничить вас в общении и подержать взаперти.

– Сидите и не рыпайтесь, – прогавкал Шрек, но я упорно его игнорировала, обращаясь только к мелкому.

В этот момент из туалета выскочил Славик. Повторив маневр Розочки, одним прыжком он ухнул на диван, приняв позу Кинг-Конга на крыше небоскреба. Только что не бил себя в грудь кулаком.

– Он малость не в себе, – деликатно пояснила я мелкому и Шреку.

– Пошли прочь, – пролаял Славик. – У меня собака! Она на чужих бросается. Рвет зубами сухожилия.

И тут Славик, видимо, желая продемонстрировать похитителям дикий нрав Розы, схватил псину и взъерошил ей шерсть. А еще слегка дернул за хвост. Хвост был слабым местом Розы, и она чертовски разозлилась. Вырвалась из рук Славика, бешено вращая глазами, и громко залаяла. И в до-

весок ко всему принялась носиться по комнате, сметая на своем пути напольные вазы и торшер.

Я осталась сидеть с открытым ртом: взбешенная Роза оказалась такой устрашающей, что даже я слегка струсила. А мелкий со Шреком? Толкая друг друга, они буквально скатились вниз по лестнице. Откуда-то снизу донеслось:

– Ну, знаете! Это переходит всякие границы!

– Науськать на нас бешеную шавку! – вторил мелкому Шрек. – Вы еще пожалеете!

– А чего вы такие нежные? Подумаешь, песик, – громко укорила я их, подойдя к двери.

Мелкий уже боязливо поднимался по ступенькам вверх, оправившись от первичного шока. Он попытался придать себе разухабистый вид: мол, и не такие шали рвали.

– Моего товарища в детстве собака покусала, у человека, можно сказать, травма, стресс, – уже более спокойно добавил он. – А вы на больное давите.

– Славик, Роза, фу. Сидеть, – скомандовала я и выложила мелкому придуманную мной историю Славика. – Он как дитя. Но лучше не приближаться, когда у него в руке вилка. Ну, вы поняли, да?

Мелкий с едва заметным ужасом на лице кивнул. Но, кажется, ничего не понял.

– Вы очень хорошо говорите по-русски. Где вы учились? – Вежливо начала я, понимая, что лучше постараться наладить контакт с хозяевами дома.

– Я сам из Таллина. Наши люди везде, – неожиданно подмигнул он мне. А я не понимала: радоваться этому или горевать. И решила остаться нейтральной:

– Наши люди на самолете в булочную не летают. В смысле – в Грецию.

– А я хоть и наш, но суперагент, – хихикнул мелкий. – И вы должны нам помочь с одним секретным делом, о котором весьма осведомлены.

– Дяденька, а вы точно секретный агент? Я читал, они должны знать минимум восемь языков, – заканючил Славик.

На что мелкий, не лишенный тщеславия, выдал целый пассаж разнообразных фраз. Я распознала французский, немецкий, польский, английский. Остальные языки были мне не знакомы. Словом, впечатление мелкий произвел.

Тут Славик, возлежавший на кровати с Розой под боком, заметил в воздухе какую-то муху. Резко охладев к спецагентам, он завопил:

– Да вы хоть понимаете, что перед выездом в жаркие страны надо сделать прививки? Я перед прошлой Турцией с мамой семь разных вшпандорил, чуть печень не отказала. Зато защита! А теперь... Притянули меня сюда беззащитного перед ковидом, мухой цеце и прочим гнусом.

– А он подкован... – шепнул мне мелкий.

– Бывают озарения. Но чаще всего мычит и смотрит в стену.

– Я, пожалуй, скажу, чтобы накрыли на стол, – заспешил

мелкий вниз, увидев, как Славик пытается поймать муху ртом. – Спускайтесь к завтраку минут через пятнадцать. Там и поговорим.

Когда дверь за ним закрылась, я быстренько пересказала Славику то, что узнала от мелкого.

– Уверена, они считают нас носителями какой-то ценной информации. Неужели мамулины бредни про Миния и наше родство кого-то так впечатлили? Не могут же они быть такими идиотами, чтобы всерьез верить в сокровища?

– Выходит, мы даже сами не знаем, что мы знаем, – вздохнул приятель.

– Они же считают, что мы знаем почти все. И я не вижу причины, почему мы должны их в этом разубедить. И пусть думают, что нам известно больше, чем на самом деле. Это залог нашего выживания.

– Пойти в ванне утопиться, что ли? – в досаде молвил Славик.

Конечно, топиться он и близко не собирался, но в джакузи завалился с большим удовольствием. А я включила телевизор и принялась пялиться в какой-то боевик. Кино мне понравилось, главный герой здорово дрался. И я подумала, что мне тоже не мешало бы овладеть каким-то боевым искусством. К примеру, боксом. Навалила бы всем обидчикам от души душевно в душу, чтобы не повадно было.

Глава 6. За несколько дней до похищения...

После разговора с мамулей о Минии, я решила приглядывать за ней и не оставлять ту надолго в одиночестве. Чтобы у родительницы не было соблазна занырнуть в погребок. Оттого в этот день шастала за родней хвостом.

Вот сейчас мы с ней цедили облепиховый чай, заваренный по рецепту папы № 3, да пересматривали старый альбом. Домыв посуду, к нам присоединился и Славик.

– Обожаю старинные фото, – чихнул он пылью. А у меня из-за аллергии сразу же зачесался глаз.

– Ага. Как будто ныряешь в историю, – согласилась я. – Это мое любимое воспоминание детства: я сижу на подоконнике, за окном – лето, и в воздухе летают такие мелкие пылинки, их хорошо видно в свете закатного солнца. И вот я сижу и листаю старинные фото и воображаю, какими были те люди на снимках.

– А вот моим любимым воспоминанием детства было то, что у меня не болела поясница. И морщин не было, – отмахнулась мамуля от моей романтики.

– Все-таки интересно было бы что-то узнать о своем роде, – вздохнула я, захлопывая кожаную обложку. И тут же пожалела: мамуля сейчас снова сядет на своего любимого конь-

ка о Минии. Она и в самом деле вздернула правую бровь домиком. Вторая не вздернулась – ботокс в этот раз как-то не так схватился. Импортозамещение выстрелило там, откуда беды не ждали.

– Ну, вы же не хотите меня слушать, так что... Бабуля – правнучка поручика царской армии. Благородная кровь. А вот мой отец – темная лошадка. Бабуля никогда не рассказывала много: дитя войны, красавец, сирота. Никто ничего о нем не знал. Только потом, когда он сбежал, бабуля поняла, что даже фотокарточки не осталось. Он не любил фотографироваться и всегда прятал лицо.

– Наверняка он был склонен к неблагоприятным поступкам. К примеру, воровал крольчатину. А потом бежал в Америку, – поддакнул Славик. Видимо, вспомнил каких-то своих предков, охочих до диетического мяса.

– А почему именно в Америку? – против воли поинтересовалась я.

Ответ был настолько простой, что до него даже не додумалась.

– Ну как же... Я по телевизору смотрел. Это была самая честная и свободная страна, куда стекались все, кто не в ладах с законом. Ну, там, каторжники, убийцы и всякие мелкие жулики. А потом они плодились и размножались, а потом...

– Суп с кротом. Что за снобизм, Славик? Меньше телевизор смотри. В Америке тоже еще остались приличные люди.

Но мамуля, погруженная в свои мысли, как будто не слы-

шала нашу перепалку.

– Ах, Дарина. У твоих детей будет целая куча бабушек и дедушек. У меня же не было ни одной. Чувствую себя, словно щепка, подхваченная водоворотом истории. Меня все несет и несет, а вокруг проплывают щепочки помельче, а иногда так и вообще – целые бревна.

– Не говорите! – вклинился Славик. – Вот моя бывшая очень любила плавать, а сама была то еще бре...

– Заглохни, сексист! – прикрикнула на него мамуля и снова обратила свой молящий взор ко мне. – Я просто обязана разузнать больше о нашем предке Минии, я думаю, это мой долг перед грядущими поколениями.

Я хмыкнула. Спорим, не поколения тут сыграли решающую роль? Скорее то, что мамуля, как и я, уже немного порыскала в Сети. И теперь хорошо представила себе масштаб потенциальных фамильных ценностей от дедули Миния.

Мамуля устало махнула рукой, вышла из кабинета и открыла соседнюю дверь. Там располагался кабинет папы № 2.

– И ты, брют! – завопила она за стеной.

– Брут, – громко поправил ее начитанный Славик.

– Сам ты брут, – обозлилась мамуля. – Я вообще-то у второго в баре вино выбираю. А тут одна кислятина. И так на душе паршиво. Надо же чем-то приглушить горечь утраты надежды на счастье. Ни тебе сокровищ, ни тебе личной жизни.

– А Коровин? – вспомнил Славик последнего мамино

кавалера. Того, что ей старательно сватали отцы на новогодней вечеринке по случаю открытия отеля.

– А что Коровин? – возмутилась мамуля. – Он же мне в дедушки годится. Вот если бы он вшил себе ген древней медузы... Говорят, тогда можно жить вечно. Как чайный гриб.

– Ладно, ну а йог? Этот, с бородкой. Вы так мило беседовали вчера. Кажется, он от вас не отходит. Я даже подумал, что вы решили разбить бедняге сердце красотой своей прекрасной, – подлизывался Славик к мамуле, чтобы та взяла его на поиски сокровищ.

– Нет, он определенно хорош, – смягчилась та. – Но есть один существенный недостаток.

– Мы же об одном и том же говорим? – интимно понизил голос Славик, подмигивая мне. – Еще бы, недостаток. В этом облегающем комбинезоне не скроешь ...

– Недостаток денег, дурила, – щелкнула по носу Славика мамуля, вернувшаяся в кабинет. – Всего лишь маленький свечной заводик. И то – размеры его он явно преувеличил. Небось какой-то магазинчик аромапалочек для йоганутых на всю голову.

Чтобы отвлечь ее от пагубных мыслей о вине, я указала ей на вид, открывающийся из окна кабинета. Во дворе после завтрака как раз удачно собрались, кажется, все жильцы нашей палаты № 6. Только сейчас я обратила внимание, как странно они выглядели со стороны.

Третий отец сидел в своем обычном месте – у мусор-

ных баков – и раскачивался в медитативном полусне. Второй, невесть откуда притащив лошадиную попону, пытался укрыть этой самой попоной его босые ноги. У папы № 2 на плечах не сходилась пиджак. Все-таки стрессы и карантин отрицательно сказывались, все мы немного поднабрали. До кухни мамуля принялась экспериментировать с дрожжевым тестом, добавляя туда то шафран, то ладан. Хорошо, что обученный папой повар потихоньку подменял мамулины замесы нормальным тестом и утром выпекал к завтраку пирожки. Приходилось уплетать, делая вид, что мамулин ладан необычайно скрасил тесто, придав ему пикантность.

Но вернемся к нашим психическим. Бабушка Сирануш выгуливала Розочку и щеголяла в кокетливом халатике с мелким узором «в косточку». Я умилилась, решив, что бабуля очень любит свою собачку, вот и носит тематическую одежду. И лишь приглядевшись получше, я поняла, что в качестве узора была совсем не косточка, а... мужской орган. Да-да, тот самый, на котором папа № 2 грозился вертеть тех, кто вывел в лаборатории коронавирус.

Шейх тоже выгуливал, только не собачку, а жен, при этом волочил по земле свои белые одежды. Для нашей весны они очень неподходящие. Кажется, наши восточные гости не испытывали особых волнений по поводу вынужденного пребывания в отеле. Восточная мудрость и здесь давала о себе знать.

Йоги чуть поодаль на ковриках пытались соответствовать

заявленному статусу. Запаренную гречку они уже съели, и теперь собирались отрабатывать калории. Прищурившись, я разглядела, что они рассматривали замершего неподалеку ежика. Наверное, хотели погладить, как ласкового котенка. Что им? Они же на гвоздях стоят.

А Дух Вонюх в старом потертом спортивном костюме выкидывал коленца, исполняя издевательский пасодобль во-круг русской березки. Та наверняка обнимала ветвями еще самого Есенина, а тут такое кощунство. Я забыла упомянуть, что Адамович, кроме работы над картой, вел свой блог, который с известной резвостью пополнял контентом. Даже Славик заявил, что ему есть чему поучиться у «старого прониры».

В центре этой живописной плеяды жильцов выделялся высокий худой парень. Он энергично махал руками, что-то рассказывая. При этом был похож на маршала Жукова, ведущего свою армию в бой. Все вроде бы занимались своими делами, но при этом краем уха слушали его и уважительно кивали.

Да, совсем забыла представить вам этого героя. Это был единственный нормальный постоялец нашего отеля – Миша Сомов. Заехал он в последний момент, чему я была несказанно рада: хоть с кем-то можно было поболтать в свободное время. А свободного времени у меня сейчас хватало.

Миша был искусствоведом, работающим в музее Кижи. Учебу он закончил всего пару лет назад, и это была его пер-

вая настоящая серьезная должность. Надо сказать, Миша казался настоящим энтузиастом своего дела. Периодически он взрывался дикой энергией и начинал рассказывать что-то о проектах реставрации Преображенской церкви. Лично для меня это было очень радостно: видеть молодого человека, преисполненного надежд и желания сделать нашу страну чуточку лучше.

– Тебе тоже кажется, что наши постояльцы на прогулке напоминают психов, которых выпустили побродить во внутреннем дворике? – хихикнул Славик.

– Ага. Сумасшедший дом какой-то, – вздохнула я, а мамуля обиделась:

– Почему какой-то, самый лучший в городе! Так, не отвлекаемся. Славик, я подумала, ты прав. Будущее за соцсетями. Давай, размещай у себя объявление. Молодая красивая особа, сорок два года...

– Как сорок два? – опешил Славик.

– Молчать! – рявкнула мамуля. – Пиши дальше: познакомится с состоятельным мужчиной, пожилым, любителем прогулок на яхте. ПЫ.СЫ. Фото обязательно.

– А пысы в профиль или анфас? – сдавленно хмыкнул Славик.

– Фото яхты, пентюх!

Мамуля покачала головой, как бы заранее не веря в успех мероприятия с таким-то штурманом, и тоскливо уставилась на пустой стакан на своем столике.

Итак, после обеда папа № 3 был выведен из полусна тычком в бочину. Вздрюченный и проинструктированный мамулей, он уселся за книги. Мамуля, глядя ему вслед, удовлетворенно припечатала:

– Тот, кто не помнит своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его вновь. А мы-то теперь будем подкованными. Да, Даринка?

Я закатила глаза и пошла за новым чайничком облепихового чая. Стакан мамули всегда должен был быть наполовину полон, а не наполовину пуст.

К чести папы № 3, в позе аскета и йога он просидел полтора дня, я периодически приносила ему воду с лимоном и сухой инжир. Когда-то папа № 3 утверждал, что святой Мафусаил таким макаронитался годами. И ничего, прожил триста лет.

Услышав про триста лет, мамуля из вредности предложила заменить инжир черносливом. Зная, что у папы слабая пищеварительная система и долго он так не высидит.

Наконец следующим вечером папа № 3 позвал меня к себе и торжественно заявил:

– И разрастается из этого семечка всего одно дерево, зато такое разветвленное...

– Папа, можно покороче. Я не сильна в иносказаниях.

– Короче, я тут схему набросал, чтобы не запутаться. Скажи мамуле, чтобы ждала меня в холле.

Так как время было вечернее, то в холле собрались почти

все постояльцы. Обычно по вечерам мы устраивали чаепития, смотрели фильмы на большом экране, играли в мафию или крокодила. Иногда мамуля читала вслух Толстого, призывая наших постояльцев понюхать «как смолой и земляникой пахнет темный бор». Но сегодня все предпочли послушать папину лекцию о древних царях.

Папа № 3, польщенный вниманием публики, огладил свою длинную рубаху, уселся в кресло и, прокашлявшись, начал:

– Итак, я перелистал страницы истории своей рукой дилетанта и кое-что выписал.

Тут папа разошелся соловьем и погрузил нас в историю по самое не балуйся. Он бы еще долго вещал про древних, но тут ему встретилось слово «стратопедарх» и язык его, утомленный нарзаном, запнулся.

Славик тоненько захихикал, Дух Вонюх наострил уши (наверное, у него тут же родились ассоциации с его вонючей картой). Папа № 3, извинившись, принялся пояснять, что это – воинское звание, впервые появившееся в Древней Греции. И тут уже шейх вставил свои пять копеек (или пять дирхамов?), и пошла многоязычная дискуссия о чинах и званиях.

История, сделав вероломный виток, снова ушла в сторону от того, что интересовало мамулю.

– Достал ты со своими стратопердахами, – буркнул второй отец, потягивавший коньяк на пару с шейхом. – Давай ближе к телу.

– Как утверждают античные авторы, Миний был богаче

всех людей, живших до него, – с легкой обидой за историю молвил папа № 3.

– А я что говорила! – обрадовалась мамуля, захлопав в ладоши, и обратилась к Мише, как к знатоку искусства:

– Сколько лет живут алмазы?

– Ну, точно не скажу. Возраст алмазов может быть от ста миллионов до двух с половиной миллиардов лет.

Мамуля перестала дышать, а папа № 3 продолжил:

– Чтобы сохранить свои сокровища, он распорядился построить под землей великолепную куполообразную сокровищницу. У Миния были сын Орхомен, унаследовавший трон, а еще несколько дочерей. Те отказывались почитать Диониса, и за это их превратили в летучих мышей. Этой судьбы избежала лишь одна из них, Этиоклимена, вышедшая замуж за Эсона, претендента на трон в Иолке, которому она родила сына Ясона, будущего предводителя похода аргонавтов.

Мамуля искрила от нетерпения, как короткое замыкание в руках у пьяного электрика.

– Уверена, это и есть наш предок! – потерла она руки. – Ну, так куда нам ехать за сокровищами?

– А скоро лето... – мечтательно протянул Славик.

– Хорошее время, если бы не пандемия, – ехидно подтянула я.

– А вдруг закончится? – не сдавался Славик. – Поныряли бы в Греции.

– Поплавали бы... – вторила Славику мамуля.

– Позагорали, – облизнув губы, добавил приятель.

Видимо, в своей голове он уже испытывал все мыслимые и немислимые греческие удовольствия. Я же была настроена скептически и пробормотала себе под нос:

– Чокнутые, не иначе. Хорошо, что хоть у кого-то в семье еще остались мозги. Ехать в Грецию в разгар всего этого безумия... Хотя цирк, конечно, должен гастролировать.

– К сожалению, попасть сейчас в Грецию не так просто, – вздохнул Миша, который знал об этом на своем печальном опыте.

– Уверена, ушлые жулики уже обчистили нашу гробницу, – вдруг озаботилась мамуля, пропустив мимо ушей мои оскорбления. – Или как там ее... сокровищницу!

Третий сделал успокаивающий жест рукой.

– Обожди, женщина. Сокровищница Миния в Орхомене существует до сих пор. Орхоменос – городок в Греции, на месте древнего города Орхомена. Руины древнего Орхомена по праву считаются одним из важнейших и интереснейших археологических памятников Греции. Вы и сегодня сможете там увидеть гробницу Миния, раскопанную еще в конце девятнадцатого столетия знаменитым археологом-самоучкой Генрихом Шлиманом, остатки неолитического поселения и дворца микенского периода, руины древних святилищ, неплохо сохранившийся до наших дней античный театр, фрагменты крепостных стен времен Александра Маке-

донского и многое другое.

– Да-да. Я был в Греции. И, кажется, на экскурсии что-то слышал о последнем пристанище царя, – поднял руку один из йогов. Тот что с бородкой. – Но разве могла гробница дожить до наших дней в первоизданном виде?

– Дожить, может, она и могла. Только все ценное оттуда уже вынесли, – наставительно ответила ему йогоиня, почесывая за ухом рыжего йога.

– У меня есть знакомый в Греции, – подал голос Миша, который все время слушал папу № 3 очень внимательно. – Он как раз занимался темой гробниц, я могу попросить его поделиться информацией. Какой конкретно исторический период вас интересует?

– Знаете, слушая ваши вопросы, складывается ощущение, что вы никогда в жизни не читали исследования Шлимана и Дёрпфельда, – закатил глаза папа № 3. И мне даже показалось, что в его тоне была капелька снобизма. Хотя вроде бы чистые душой на такое не способны?

Все присутствующие смущенно потупились, включая искусствоведа Мишу, мамуля пошла пятнами, а я тихонько ухмыльнулась.

– Ну ты выдал, философ, – озадачился папа № 2. – Я тебе больше скажу, я даже Пушкина в школе не всего прочитал. А ты Копперфильдом каким-то тычешь.

Папа № 3, кажется, был обескуражен:

– Темные времена... Ладно. Так вот, как я уже говорил,

первоначально эта «сокровищница», находящаяся сейчас в развалинах выше озера Копайды, была гробницей одного из древних орхоменских царей. Согласно традиции, в ней был погребен (разумеется, уже после того, как она была разграблена) один из древнейших греческих поэтов – беотиец Гесиод.

Все зашумели, призывая папу не отвлекаться на поэтов. Что с них возьмешь? Папа № 2 даже что-то буркнул про латыша, у которого что-то там и душа. Глотнув водички, папа № 3 пошел пятнами, но все-таки перешел к описанию Микенской гробницы.

– Подземная, с высокими потолками и боковыми комнатами. Во втором веке она была в целости, но в начале девятнадцатого века путешественники уже сообщали об обрушении купола в Орхомене.

– Жулики! – взорвалась мамуля. – Наверняка сами там полазили, что-то нашли, сперли, а купол обрушили. Схема-то рабочая. У нас так когда-то хлебный магазин в деревне спалили.

– В какой такой деревне? Ты же говорила, что коренная москвичка? – удивился папа № 2. – Еще жаловалась, что из-за первого мужа в наш Мухосранск перебралась. Такое сказать про наш славный город! В любом крупном здании тебе сразу и гостиница, и маникюрня, и стриптиз, и похоронное бюро, и «Пятерочка»! Где ты в своей деревне такое найдешь!

– Не отвлекай историка, стратопедарх! – огрызнулась ма-

муля, пойманная с поличным, и величественно кивнула третьему мужу. – Продолжайте, маэстро.

– Уже в наше время Афинское археологическое общество проводило там раскопки и обнаружило микенский дворец, доисторическое кладбище и древний театр. Туда можно свободно попасть всем желающим, туристические маршруты проложены.

– Значит, ничего там не найдем. Зряшное дело. Если там побывали наши туристы – пиши пропало. И камешки по России-матушке растащили.

Дух Вонюх весело захихикал, шейх с бабушкой Сирануш принялись живо дискутировать, причем каждый на своем языке, мамуля с раздражением размахивала руками на второго, а Миша что-то рассказывал йогам про туристические обычаи разных стран.

Я же внимательно наблюдала за папой № 3: хоть вещал он довольно меланхолично, но глаза его сверкали нездоровым блеском. Четки ходили ходуном, а это верный признак: у папы припасена сенсационная новость. Я мысленно досчитала до трех, и тут папа поднял вверх указательный палец:

– Но! У меня есть для вас потрясающая новость. Развалины «сокровищницы Миния» в Беотии упоминаются также в трудах Александра Лопатина-Соркина, и вот у него я нашел интересную легенду. Ее передавали друг другу из поколения в поколение местные жители. Теперь она существует, скорее, в качестве песни...

– Не томи, Ницше мне на всю голову! – взмолился папа
№ 2.

– До Ницше тебе еще далеко... – опять с капелькой снобизма заметил третий отец. Но второму сходство с великим было до звезды.

– Все, что не делает меня Ницше, делает меня лучше!

Третий покачал головой с укоризной:

– Словом, если совсем кратко: есть версия, что самое ценное сокровище Миния было спрятано в отдельном месте. Это была небольшая усыпальница любимого пса жены Миния.

Мамуля застонала и потребовала валерьянки. Бабушка Сирануш полезла в карман жилетки и наскребла ей целую пригоршню таблеточек.

– Там алмазы, как пить дать! – проглотив их одним махом, выдала родная кровь. – Как найти эту усыпальницу?

– В песне, что переделана на современный манер, поется буквально следующее: сокровищница верного пса «отмечена печатью рода», – почти что пропел папа. Вышло очень фальшиво, но с душой.

– Не доставайся ж ты уроду! – допел Славик с широким диапазоном контральто, а мамуля, озверев от валерьянки, дала ему подзатыльник.

Второй отец задумался:

– Короче, философ, ты там у своего Сашки Соркина поспрашивай, мы бы экспедицию снарядили. Раз пошла такая

пьянка...

– Ух, начинается! Обожаю нашу компашку! Сообща с Санчо Соркиным мы эту монашку уделаем! – Славик зачем-то перековеркал цитату из прекрасного фильма «Белые росы» и потер руки.

Мамуля тут же с подозрением уставилась на Славика, заподозрив, что уделать хотят ее. А папа № 3 развел руками:

– Много не выпросишь, человек он был маленький, да и умер уже.

– А спиритизм твой на что? – не выдержал папа № 2. – Не все тебе Пушкина тревожить, дай ты уже великому отдохнуть спокойно. Вот с Соркиным своим покалякай.

– Сокровищницы пса мне только не хватало, – выдохнула я и тоже изо всех сил захотела валерьянки.

Бабушка Сирануш, почувствовав мою печаль, высыпала мне в руку еще одну горстку. У Славика на руках завозился Ну и Ну. А бабушка, показав ему дулю, презрительно скривилась, обращаясь к третьему отцу:

– Куда вы ее несете?

– Кого? – не понял папа № 3.

– Ахинею! Это же бред сивой кобылы!

– Но вдруг Соркин-Лопатин подтвердит, – заныл Славик. – Этот прощелыга явно что-то знал...

– Никаких бесед с Соркиным, – рявкнула бабушка. – И тем более – с Лопатиным. Сначала – мой старый козел. В смысле – любимый покойный супруг.

Все захихикали, в том числе жены шейха. И это немного снизило градус безумия. А еще Миша припечатал, что спиритизм – это атавизм прошлого. Сегодня нужно доверять не духам, а научным исследованиям.

Итак, чай мы допили, лекцию дослушали, общественность разделилась на кучки. Я уже нацелилась тихо-мирно пойти спать, когда меня подхватил под локоть Миша и предложил прогуляться вокруг отеля.

Конечно, мы за эти весенние дни карантина очень сблизились, но вы не подумайте ничего такого. Только как с другом, которого мне сам Бог послал в темные времена.

Миша был в нашем городе проездом. Хотел посетить с рабочим визитом наш музей-заповедник, после чего планировал выехать в Москву, чтобы лететь по делам в Афины. Но пандемия внесла свои коррективы в его планы.

Мы побрели в сторону леса, вдыхая чудесный хвойный воздух.

– Ты же из Петрозаводска? Я у мамули в книге регистраций посмотрела.

– Ага. Кстати, ты знала, что кижские жители, что местные, что музейные, не говорят Петрозаводск.

– А как?

– Только Город. И Кижы для них не музей, не дом, не место работы. Это Остров.

– Что ты собирался делать в Греции, островитянин? Отдыхать?

– Работать. Хотя такая работа для меня – лучший отдых. В Афинах в прошлом году была выставка музея-заповедника «Кизи» из Карелии. Не слышала?

Я виновато покачала головой.

– Кизи стали символом дней русской культуры в Греции.

– Ничего себе! – устыдилась я своего невежества.

– Ага. Мы представляли там культурное наследие, наш уникальный проект реставрации церкви Преображения Господня Кижского погоста. Вот, смотри фото.

Мы склонились над его мобильником, я листала, а Миша рассказывал:

– А здесь макеты памятников деревянного зодчества. Мы посетили афинский культурный центр. Там работают такие увлеченные историей люди, со многими я сдружился и до сих пор в контакте.

– Кизи, наверное, прекрасны. Давно мечтаю побывать в этих местах.

– Обязательно приезжай! Я бы прокатил тебя на лодке-кижанке.

– Смешное название.

– На этих лодках передвигались заонежане. Их применяли для рыболовства, поездок в церковь, перевозили скотину и грузы. А еще есть лодки долбленки. Их использовали еще в эпоху неолита. Для ее строительства брали ствол осины и...

– Выдалбливали изнутри?

– Да, на таких лодках можно было плавать на далекие рас-

стояния. Есть очень красивая легенда про то, как один заонежанин хотел встретиться со своей возлюбленной и для этого поплыл...

Миша что-то рассказывал, а я уже унеслась на мысленной лодке-долбленке в прошлое. Как любая нормальная девушка, я сразу же вспомнила о своих любовных историях. В том числе и той, которую и любовной-то назвать можно с большой натяжкой. Думаю, вы помните моего знакомого Дубровского, я уже упоминала о его похождениях.

Будучи дамой «с понятиями», я знала: связаться с таким типом – нажать себе врагов и заработать геморрой на всю жизнь. А то, что для общения со мной Дубровский каждый раз придумывал всякие фокусы, подтверждало мою и папину теорию: он постоянно в бегах и не в ладах с законом. А недругов имеет больше, чем волос на голове. Хотя волосы у него, надо признать, были красивые. Даже мне на зависть.

Словом, лучше и не вспоминать. Даже не знаю, как так вышло, что у нас с ним после летней истории в Сочи завязалась переписка. А потом он появился в нашем городе, рискуя собой. Каждый раз он вроде бы помогал мне, но делал это так противозаконно, что я и мечтать не могла познакомить его со своей семьей.

Расстались мы не то чтобы очень хорошо, но я, как и любая влюбленная дура, надеялась: он изменится и придет за мной. Ха-ха два раза.

Думаю, вы понимаете, что в таком состоянии все осталь-

ные молодые люди вокруг – только друзья. И как бы я ни пыталась убедить себя в том, что Дубровский – мелкий жулик, ничего не выходило.

Я попыталась воссоздать его образ, хотя получалось плохо. Темные глаза, слегка выющиеся волосы, подбородок грубоват. А губы пухлые, красивые, если бы не шрам, что перерезал верхнюю... Словом, довольно привлекательный парень, но даже не внешние данные делали его притягательным. Было в нем что-то такое... Дух авантюризма, вот! Ну не вписывался он в нашу серую, обыденную жизнь.

Я словно попала в очарованный круг. Ведь прекрасно осознавала, что Дубровский – преступник. Я должна испытывать к нему только злость, презрение и порицать его поступки. Но я влюбилась. И, кажется, Дубровский тоже что-то такое ко мне испытывал, потому что, меня обличья и имена, периодически возвращался в мою жизнь. Он никогда не звал с собой, не рассказывал мне о своих планах, не хвастался преступлениями. И не боялся, что я выдам его, что свяжусь с полицией, расскажу все папе подполковнику. Он знал, что я не смогу причинить ему зло, но также знал, что я никогда не смогу поступиться своими принципами. Может, поэтому никогда всерьез не предлагал уехать с ним куда глаза глядят?

Я бы никогда не смогла представить его на работе в офисе, или таскающим продукты из супермаркета, или выгуливающим собаку по утрам. Неуловимый, недоступный, далекий. А нашу сестру хлебом не корми – дай пострадать по всякому

недалекому гаду.

Глядя на укутанный вечерней дымкой лес, я пыталась разобраться, что же творится в моей душе. И не могла признаться даже самой себе, что иногда принципы – это только мишура. То, что лишает нас возможности прожить свою жизнь по-настоящему, со всеми ее ошибками и разочарованиями. Но и со всеми ее радостями тоже. Зато принципы надежно защищают нас от горечи поражений, словно соломка, которую тебе подстелили те, кто эти принципы придумал.

Но в тот вечер, прогуливаясь с Мишей, я твердо сказала себе: все, хватит наматывать сопли на кулак. Начинаем новую жизнь.

Глава 7. В логове похитителей...

Вымывшись и завернувшись в халаты, мы спустились вниз, в столовую.

Славик немного прихрамывал для полноты образа. Я внушила ему, что хромота – его святая обязанность. Пусть думают, что хромоножка далеко не убежит. Это притупит их бдительность.

За столом прислуживала колоритная местная дама. Полноватая, если не сказать толстая, пятидесятилетняя фемина поглядывала на нас с интересом. Но все делала молча.

Я же сразу смекнула, что эту цветущую пышной красотой гречанку не мешало бы использовать нам во благо. Такие габариты как раз были по части Славика. И он уже не раз показывал себя профи в деле охмурения пышных дам. Но пока мое дело было присматриваться, оттого я неторопливо подала поданный омлет, заедала греческим салатом и поглядывала в окно. Розочке тоже положили в миску мелко нарезанное отварное мясо и налили водички.

Славик сидел со своим обычным видом, но при этом выглядел дурак дураком: он намотал на голову халу из полотенца и теперь она постоянно падала ему в тарелку.

Когда Славик в третий раз уронил полотенце в салат, Шрек, не выдержав, выкинул его в раковину. Не Славика, полотенце. Первым нарушил молчание мелкий, оставив в

сторону опустевшую чашку из-под кофе.

– Что же, я надеюсь, вы немного восстановили силы? Можем поговорить о деле?

– А какое у вас ко мне дело?

– Ваше дело – передать нам ценную информацию, которой владеете только вы. И тогда ни вы, ни песик, ни ваш слабоумный приятель не пострадаете. И вернетесь домой тем же частным бортом. Ко всему прочему вы получите очень хорошее денежное вознаграждение. И вы, и песик, и ваш слабоумный...

– Сам ты слабоумный! – завопил Славик и угрожающе вскинул вверх вилку.

Шрек охнул, мелкий подпрыгнул на стуле, а хозяйка заинтересованно уставилась на Славика. Видимо, распознала в нем доминантного самца. Я уже не раз упоминала, что художничавший Славик весьма нравился дамам бальзаковского возраста: видимо, вызывал у них острое желание прижать его заморышное тельце к плодородной груди.

– Ладно-ладно, – замахал руками мелкий. – Очень хороший, умный мальчик.

– Ты бы это чудо на цепи держала, – буркнул Шрек, закуривая.

– Розочка не терпит цепь, она ручная.

– Я про придурка.

Вилка снова взметнулась вверх, но я похлопала приятеля по руке.

– Но-но-но. Он безобидный. В основном. Не способен ни к какой инициативе. Делает только то, что скажут.

– А что у него за диагноз? – поинтересовался Марик.

Но я отмахнулась в досаде:

– Очень запутанный. Я запомнила только окончание – френ.

Славик радостно закивал:

– Да-да, я олигарфен. Ой, олифраген. Оли...

– Так, Славик, иди-ка погуляй с Розочкой. Мне нужно поговорить с дядями. Нам же можно выходить во двор?

Мелкий и толстяк переглянулись: насколько я поняла, одних выпускать нас не планировали. Но моя тактика сработала: они решили, что от олигофрена не придется ждать пакостей.

Мелкий порыскал в разговорнике, который держал под рукой, после чего обратился к гречанке на ее языке. Та, кивнув, взяла Славика под руку и повела во двор. Приятель продемонстрировал потрясающую проходку в стиле биоробота Буратино. Розочка, покончив с мясом, поспешила следом, виляя хвостом.

Проводив их довольным взглядом, я сложила пальцы рук домиком и выжидающе уставилась на своих похитителей. Самое интересное, что мне почему-то было ни капельки не страшно. Нет, то есть умом я, конечно, понимала: раз нас похитили – ничего хорошего ждать не стоит. Но почему-то я была уверена в благополучном исходе дела и воспринимала

все это как игру.

– Итак, какая информация вас интересует?

– Это касается покойного Михаила Сомова, – скривив скорбную мину, вздохнул мелкий.

А я внутренне охнула. Меньше всего я ожидала пакостей с этой стороны. Мелкий, выждав пару секунд, в течение которых он пытался что-то прочесть на моем лице, продолжил:

– Он был моим давним приятелем. Я бы даже сказал – другом. И когда я узнал, что с ним случилось, то... словом, я был обескуражен. И принял меры...

– А он тоже друг? – ткнула я пальцем в Шрека.

Тот зло взглянул на меня и кивнул. Но не сдержался.

– Гони все, что ты узнала от шизанутого историка, – выйдя из образа друга, пролаял он.

– Он был музейным работником. Кажется, не так уж хорошо вы его знали, – с сомнением протянула я, играя вилкой.

Щечки мелкого приобрели свекольный румянец, а Шрек пробормотал «я сча ее ушатаю».

– Тише, тише, – умоляюще сложил ручки Марик. – Не стоит накалять ситуацию. Уважаемая Дарина, не будем цепляться к словам. Мой коллега знал его шапочно. А вот я истинно хочу восстановить справедливость. Михаил жаловался, что ему угрожали. И вот итог. Он вам что-нибудь говорил о своих делах в Греции?

– Не особенно. Если честно, я думала, он сам... Вы меня огорошили. Но даже если вы считаете, что ему угрожали,

стоило обратиться в полицию. Не знаю, чем я...

– Ваша полиция была подкуплена, у нас есть достоверная информация. И никто не стал бы расследовать это дело. С этой целью, и только с ней, мне пришлось пойти на такие радикальные меры.

– То есть похитить нас? Вообще-то...

– Назовем это «пригласить в гости», – Марик все еще пытался «держать лицо». – Меня интересует, о чем он говорил с вами перед тем, как погиб. Важно все: шутки, жалобы, разговоры, обрывки мыслей. Он был подавлен? Чего-то боялся?

– Как и все сейчас – короны.

– Может, ему что-то присылали, пока он гостил у вас? Если он прямо что-то рассказывал о своей поездке в Грецию – не утаивайте. С кем он общался последние дни, встречался, о чем мечтал? Какие документы вам доводилось видеть в его номере? Может, он показывал какие-то карты?

– Я вас услышала. Но, боюсь, ничем помочь не могу. Наши беседы были весьма поверхностны. Природа, погода... Но я честно попытаюсь восстановить в памяти все наши диалоги. Вроде бы что-то такое про карты действительно всплывало в разговоре. Только вот не припомню, что именно.

Марик едва не подскочил на стуле:

– Если можно, побыстрее. Вы же понимаете, преступник может уйти от ответа перед законом, и вообще...

– Не надо на меня давить, – нахмурилась я. – У моей памяти есть одна нехорошая особенность: в условиях стресса

доступ к хранящимся в голове файлам блокируется. Однажды я рассталась с парнем, и на фоне стресса даже забыла, где живу. Пришлось ночевать в гостинице. Так что не советую создавать мне нервную обстановку. Из-за этого похищения я и так чувствую, вот прямо чувствую, что забыла что-то важное.

Шрек комкал скатерть и потел, в его взгляде читалась прямо-таки ненависть. И я позволила себе испортить им настроение:

– Все это, конечно, похоже на правду. Ну, вот эти ваши разговоры о дружбе и так далее. Но как нас усыпили? И вы очень осведомлены о нашей с Мишей дружбе. Значит, кто-то, кто проживал в отеле, вам помог. Так ведь?

– Это секретная информация. Не забывайте, на какие структуры мы работаем, – заволновался мелкий. – Скажем так: у нас был осведомитель, помощник. Личность не раскрываем. И вот эта личность прямо указала, что если кто-то и будет знать о проблемах Михаила – то только вы. Неудивительно, что он вам доверял. От такой красоты у любого мужчины развязывается язык...

Мелкий взглянул на меня масляными глазками, но я чувствовала: до моей красоты ему дела нет. Значит, на кону большие деньги. Такому проныре они всегда дороже красивой женщины.

Я зарделась и сделала вид, что мы достигли некоторого взаимопонимания. Славик вернулся с улицы, и наши похи-

тители провели небольшую экскурсию по дому и саду, сообщив, что за ворота нам лучше не выходить.

– Это ради вашего же блага, – суетился Марик. – Миша был связан со спецслужбами и знал много лишнего. Нас могут разыскивать, а после – ликвидировать. Я вынужден ограничить вашу свободу.

Наконец от меня отстали и отпустили нас со Славиком передохнуть у бассейна. Но Шрек и Марик все время крутились рядом, так что ничего обсудить мы так и не смогли.

Зато размышлять я могла вдоволь: Марик так складно пел про спецслужбы, что я бы непременно ему поверила. Если бы не слышала их разговор в самолете. Из которого явно следовало, что никакие они не добрые дяди, а самые настоящие бандиты. И что ликвидировать меня могут в любую минуту. Но чем их так заинтересовал Миша? Жаль, мы со Славиком не успели разгадать его загадку. Документы Миши, которые были у меня в сумке, они, конечно, забрали. Однако, по всей видимости, ничего ценного там не нашли.

После обеда Марик заявил, что ему нужно отправиться за покупками для меня и Славки. Я пару раз толсто намекнула, что готова сопровождать его. Потому что вкус у меня хороший, и лишь бы что носить я не намерена.

– И на мне не вздумайте экономить! – взвился Славик. – Мама мне всегда покупает самые дорогие вещи.

– В «Детском мире»? – хмыкнул Шрек, но Марик был воодушевлен и покладист. Думаю, он ожидал, что я начну скан-

далить или рыдать. А может, и то, и другое сразу. То, как легко я согласилась сотрудничать, внушило ему уверенность в успехе мероприятия.

Примерно через час Марик вернулся, нагруженный пакетами, и я отправилась разбирать покупки. Надо признать, вкус у него был неплохой, как и глазомер. Конечно, сама бы себе я такое не купила, но в качестве домашней одежды пойдет.

Славику достались панамка, кроссовки, шлепанцы, пара футболок, толстовка и шорты. Мне – два сарафана, сандалии, соломенная шляпа, очки, вполне приличный черный купальник, топики и даже ночная сорочка. Не забыл мелкий и о косметике, которую я перечислила. Шампуни, бальзамы, скрабы и крем неизвестной мне местной марки приятно пахли, и я сразу же возжелала все это опробовать. Для чего отправилась в душ и провела там не менее часа, с мстительным удовольствием расходуя воду.

Если честно, день меня очень вымотал. После ужина я посмотрела телевизор в общем зале, полистала карты, которые мне любезно подсунул Марик, и стала зевать. Славик провалялся у бассейна, обозревая окрестности. И доложил, что мы находимся вроде как на возвышенности. И где-то внизу явно есть море. Гречанка, покончив с хозяйственными делами, засобиралась домой.

К этому времени мне было страсть как интересно, стоит ли какая-то сигнализация на воротах, и я принялась наблю-

дать. Собравшись, толстуха что-то шепнула Марику на ухо, и тот, извинившись, отлучился.

Но во двор она вышла уже одна, из чего я сделала вывод: сигнализация отключается где-то в доме. Ворота ей открыл Шрек, куривший во дворе. Он же, по всей видимости, и повез ее домой. До нас со Славиком донесся шум отъезжающей машины.

Мысль о побеге, понятное дело, меня не покидала. Ясно, что весь этот праздник жизни нам со Славиком предоставили не просто так. И за море, и за шикарный вид из окна придется заплатить. Как только я им сообщу то, что они хотят (хотя я сама еще толком не знаю, что это), логичнее всего будет от нас избавиться. Славика так и вообще захватили за компанию. Может, похитители не были уверены, что Славик спит, не хотели оставлять свидетеля. А может, думали сбить моих с толку. Нас двоих наверняка хватились не сразу: решили, что мы уехали по какому-то делу. А учитывая, что в тот вечер все выпивали, так и вообще...

Но одно дело думать о побеге, а другое – действовать.

– В одних шортах, без денег, связей и возможности позвонить в горах далеко не убежишь, – вздохнул Славик, когда я озвучила ему свои мысли.

– Договориться с этими гадами, возможно, было бы не так сложно. Наобещать им, что папа номер два заплатит за меня выкуп или что-то в этом роде. Но это с обычными жуликами, а за этими явно стоит кто-то более серьезный и опасный.

– Да уж, если у человека есть частные самолеты, то и папиных денег не хватит, чтобы выпутаться из этой истории, – поежился приятель, подтянув одеяло до подбородка. – Остается незаметно рыть подкоп. Или я притворюсь мертвым, как граф Монте-Кристо, а ты засунешь меня в мешок и велишь им сбросить мое тело со скалы. А потом я выплыву и...

– Ладно, заглохни, – велела я Славику, не то его до утра не остановишь. – Завтра мы с мелким договорились провести сеанс «воспоминаний». Попробую вытянуть из него хоть какую-то информацию.

Розочка спала на коврике у двери, словно охраняла вход, и от этого на душе стало теплее.

Глава 8. За два дня до похищения... Отель

Новая жизнь началась следующим утром. И ничего романтического в ней не было. В ресторане, где все завтракали, бабушка Сирануш громко каркала «каркаде», призывая официантов заменить ее зеленый чай на красный.

– Это что за сыр? Где мой камамбер? – злилась она.

– Санкции, – извиняясь, пятился официант под ее напором.

– Санкции-сисянкции, понаберут с улицы! Неси молока к чаю!

– Так у вас же каркаде?

– Не твоя печаль!

Славик за соседним столом рассказывал одной из жен шейха историю про то, как однажды на практике он уселся на шприц с наркозом.

– И потом вся группа тягала меня, как поролоновую крысу, чтобы препод не заметил, – хихикал Славик, а восточная красавица закатывала глаза и все пыталась отвернуться к окну. Я ее понимала, вид из окна был изумительный – утренний лес, замерший в торжественном предчувствии лета.

– А чем это посыпан кекс? – придиричиво ковырял тесто ложечкой Дух Вонюх, сидевший слева от Славика.

– Вроде орешки. А чем вы обычно посыпаете? – заинтересовался вездесущий Славик.

– Пеплом и проклятиями! – отозвалась сбоку бабушка Сирануш, поддерживая светский разговор.

А папа № 2 тихо жаловался папе № 3, что у нас в отеле собралась компашка блатных и нищих.

– Насчет нищих я бы поспорила, – парировала я, целуя их по очереди в щеки. – Оплачивать такие счета сегодня могут позволить себе не все.

И быстро огляделась в поисках мамули. Та ворковала у барной стойки со вторым йогом – отставленным и, по-видимому, уже достаточно отпущенным йогойней. Решив не тратить время зря, тот всюю обхаживал мамулю. Правда, делал он это под видом йогических практик, показывая мамуле биологически активные точки на спине.

– Это нахальство! Массировать мою бывшую жену! Этого я даже сам себе не позволяю, – горячился папа № 2, недовольно поглядывая на воркующих голубков.

– Да, он ей совсем не пара. Да и дух Миния заявил, что мамуле в ближайшие три года свадьба не светит, – вздохнул третий отец.

Славик, вернувшийся за наш столик, попытался возражать:

– Вот и напрасно всяких духов слушаешь, Учитель! Всегда может найтись хороший человек...

– Мамуля решила сосредоточиться на себе. Познать свое

предназначение, – встряла я.

– Движение души иногда требует движения тела, – намекнул Славик, многозначительно приподняв брови.

– Ты что, тоже веришь в эту чушь с Миниём? Славка, не смехи меня, – хрюкнул в чашку папа № 2, хотя совсем недавно сам порывался отправить туда экспедицию. Наверное, коньяк папу отпустил, и странные мысли ушли сами собой.

– Просто очень хочется в Грецию. Засиделись мы тут.

В этот момент второй йог с йогиней продефилировали мимо нас к кофемашине. Светились они так, что было понятно: дело тут явно не в медитации и стоянии на гвоздях. Славик проводил их завистливым взглядом. Как оказалось, завидовал он не их бурной личной жизни, а комбинезону крепыша.

– Я себе тоже такой комбинезон куплю. А то я на медитациях, как лох позорный, в шортах сижу, – заявил приятель, облизывая ложечку после йогурта.

– Славик, ты что-то в последнее время превратился из скупердуна в смарт-шопера. То тысячу стаканчиков из «Старбакса» выкупил, то ящик соусов из Макдака.

– Это инвестиции! Перепродам потом на барахолке по тройной цене. Учитель шепнул, что ему в ночь на пятницу было видение – наша страна воздвигла вокруг себя золотой купол. Да, Учитель?

Папа № 3 закатил глазки: понимай как знаешь...

– И что? – уточнила я.

– Ну, типа берлинской стены. Сечешь? Как к нам через

купол Макдак попадать будет? То-то же. А так человек купит соус, положит себе на грудь, а из стаканчика «Старбакс» водочки капелюшечку хлопнет – и уйдет в докризисные грезы.

– Малахольный, – покачал головой папа № 2. – Лучше бы плюшевых акул взял. Товар ходовой, не портится, всегда можно передарить, если что. Я бы своим депутатам взял на презенты.

– Акулы империализма скоро исчезнут в пучине, – покивал третий отец.

Славик заволновался:

– В смысле, пропадут из торгового центра?

– Я все сказал, – строго молвил папа № 3.

– А чего наши гости какие-то понурые, не знаете? – поинтересовалась я, совершенно зря пропустив тему акул мимо ушей. – Наверное, в ожидании завтрака уже новости проли-стали. А там ковидные ужастики. Бррр... Хорошо, что я уже третий месяц пью клюквенные морсы и имбирные чаи.

– Да какие новости! Просто мамуля сегодня к завтраку заявила свое новое блюдо – фрикадельки из сняти. Думал, они заплачут, – махнул рукой папа № 2.

А Славик захихикал и добавил:

– Зато ты бы видела их лица, когда я зашел в обеденный зал, обвел всех зловещим взглядом и строго так заявил: «Я собрал вас всех здесь не случайно!» Дух Вонюх подавился своим чаем, бабка схватилась за сердце, йог сразу что-то замычал, а шейх даже выплюнул мамулины фрикадельки.

– Шейх не дурак, просто воспользовался удобным моментом. – Папа № 2 все не мог забыть творение мамули.

– Ты поменьше болтай. Сейчас люди и так на стрессе. Могли бы побить. И даже ногами.

– Брось, мы тут все на расслабоне, – отмахнулся Славик. – Ой, мне так нравится вся наша дружная компания. Я прямо чувствую, как вокруг нас сгущается какая-то непонятная, но мощная идиотическая энергия. Не удивлюсь, если сегодня-завтра Учителю удастся вызвать дух самого Джигурды.

– Вообще-то, он еще живой, – укорил Славика папа № 3.

– Да? Надо же...

– Это же самых лучших забирают первыми, – напомнила я, а Славик возвел глаза к небу:

– Ну, пандемия, дело такое. Никогда не знаешь... А я же когда-то был с мамой на его выступлении, и даже руку ему жал.

– Это была историческая встреча, – серьезно кивнула я. – Даже не пойму, как после того, как два таких абсолютно бесполезных человека пожали друг другу руки, не случилась вспышка антиматерии. И не возникла новая черная дыра.

– Что значит бесполезных? Ты бы слышала, как он рычал! Это страшнее любой пандемии, – возразил Славик.

– Ты бы лучше делом занялся, а не болтал. Посуда сама себя не помоеет.

Однако Славка, закинув полотенце через плечо, с довольным видом поперся не к посуде, а к гостям. Те уже собрались

на кофе за общим столом и вели светскую беседу о развлечениях, которые можно практиковать у нас, в России. Особенно в период пандемии.

Шейх рассказывал, что пару лет назад уже приезжал в Россию. Правда, не сюда, а в Москву. Зимой. И был очень впечатлен катанием на санях, запряженных лайками.

Славик махнул рукой: мол, что там лайки. Тьфу – да и только.

– А вот ралли по пустыне – это тема. Вы там, небось, гоняете как черти на своих квадраках? Эх, есть в этом особый шик. Восточные красавцы, которые не считают деньги, мчатся на своем дорогушем авто по улице...

Но шейх, забавно коверкающий русский язык (он знатно поднаторел за эти дни), мягко его прервал:

– У наша есть очэн дорогая бензин. Позволит гонять по пустыне могут не все. Вернее, гонять могут не только лишь все, мало кто может этая делат.

– Дешевле купить два-три энергетика и просто везде быстро бегать, дорогой Славик-джан! – заржал папа № 2, приклеив ухо к разговору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.